

Виктор Калитвянский

РАЗВИЛКА

Пьеса в 3 актах

Действующие лица:

Милюков Павел Николаевич (1)
Нина Васильевна, жена Милюкова (2)
Шполянский Аминад Петрович (3)
Трепов Дмитрий Федорович (4)
Журавлёв Иван Тимофеевич
Столыпин Петр Аркадьевич (5)
Император Николай Второй (6)
Императрица Александра Федоровна (7)

События 1-го и 2-го акта происходят в конце марта 1943 года, в городке Экс-ле-бэн, на юго-востоке Франции.

Эпизоды воспоминаний - в 1906 году в Петербурге.

Где происходят события 3 акта - доподлинно неизвестно.

(1) Павел Николаевич Милюков (1859-1943) – историк, политик, дипломат, один из лидеров партии конституционных демократов (кадетов), член Временного правительства, один из лидеров русской эмиграции.

(2) Нина Васильевна Милюкова (1881-1959) – вторая жена Милюкова.

(3) Шполянский Аминад Петрович (1887-1957) – русский поэт-сатирик (псевдоним – Дон Аминадо), адвокат.

(4) Трепов Дмитрий Фёдорович (1855-1906) – русский государственный деятель, московский обер-полицмейстер, генерал-губернатор Петербурга.

(5) Столыпин Пётр Аркадьевич (1862-1910) – русский государственный деятель, министр внутренних дел, председатель правительства.

(6) Император Николай Второй (1868-1918) – русский царь.

(7) Императрица Александра Фёдоровна (1872-1918) – русская царица, жена Николая Второго.

АКТ ПЕРВЫЙ

Скромная гостиная в квартире Милюкова.

Середина дня.

Почти все поверхности в гостиной - на бюро, на подоконнике, на пианино, на нескольких стульях - завалены стопками книг, подшивками газет, рукописями.

В центре – кресло. В кресле, укрыв ноги пледом, сидит Милюков, седой старик. На коленях – раскрытая папка, в откинутой руке – карандаш.

Милюков дремлет.

Становится слышен густой общий звук леса: чириканье птиц, шум ветра и шуршание листьев. Женский голос тянет ласково: «Пашенька, где ты?».

Карандаш падает из пальцев Милюкова. Он вздрагивает, поднимает голову, оглядывает гостиную. Вздыхает, тянется за карандашом. Листает папку с бумагами, начинает писать. Закончив писать, берет листок и читает.

ГОЛОС МИЛЮКОВА. В тот же день временный комитет Думы протестовал против нового способа создания коалиции социалистическими группами. Он защищал свое право участия в выборе и подчёркивал, что коалиция лишь тогда может привести к общенародному признанию власти, если она уравновешена взаимным соглашением составных частей и не преследует частных партийных целей. *(Пауза. Снова читает.)* Церетели определил положение так: «Это не только кризис власти. В её истории началась новая эра». На своем боевом языке Ленин вторил: «4 июля ещё возможен был мирный переход власти к Советам... Теперь мирное развитие революции невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция».

Пауза.

Милюков поворачивает голову, смотрит на часы, висящие в простенке. Часы показывают три часа. Милюков захлопывает папку с бумагами, кладёт ее на пол. С некоторым трудом встает из кресла и распрямляется во весь свой немалый рост. Слегка волоча ноги, идёт к простенку. Там, под часами, стоит столик с радиоприемником. Милюков включает радиоприемник.

ГОЛОС ДИКТОРА. ... продолжают наступательные бои севернее тунисского города Гафса. Итальянские и немецкие войска оказывают ожесточенное сопротивление англо-американским союзникам. По сообщениям из России русские войска остановили наступление на западном направлении от Москвы, которое они вели последний месяц. Итогом операции стало ликвидация немецкого плацдарма и занятие городов Ржева и Вязьмы, имеющих стратегическое значение.

Звучит музыка. Милюков выключает приемник и идёт к стене, на которой висит огромная карта Европы. Он становится возле карты и рассматривает её правую, восточную часть, время от времени проводя по карте пальцем.

Затем возвращается в кресло. Накрывает колени пледом, берет с пола папку, открывает её, пишет.

ГОЛОС МИЛЮКОВА. Я заключаю, что оба лидера пришли к выводу, что борьба с буржуазией покончена, и начинается новый акт пьесы: идёт борьба между двумя течениями, умеренным и крайним, в самом социализме... Ленин определяет эксперимент большевиков как конец мирной эволюции социализма в России и начало военных отношений...

Слышен звук открывшейся двери.

В гостиную входит, снимая пальто, Нина Васильевна.

МИЛЮКОВ. А где Аминадон?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Я оставила его у нотариуса. Ходила в лавку.

МИЛЮКОВ. И как?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. С большим трудом. Хорошо хоть Аминад Петрович выручает, иначе бы... *(Уходит в кухню.)*

МИЛЮКОВ. У нотариуса... Все в порядке?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА *(снова появляясь в дверях кухни)*. А что могло быть не в порядке?

МИЛЮКОВ. Я просто спрашиваю. *(Берет в руки лист бумаги.)*

НИНА ВАСИЛЬЕВНА *(подходя)*. Шполянский принесёт твою копию завещания... *(Пауза.)* Что?.. Нужно было - самой?

МИЛЮКОВ. Да господь с тобой... это совершенно всё равно.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА *(с интонацией доктора)*. Как ты себя чувствуешь?

МИЛЮКОВ. Хорошо.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ты плохо спал.

МИЛЮКОВ. Плохо? Когда я сплю – это хорошо. Плохо, когда не сплю вовсе.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ты опять разговаривал во сне.

МИЛЮКОВ *(рассеяно)*. Да?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Да. Ты даже назвал одно имя...

МИЛЮКОВ *(поднимая глаза на жену)*. Опять?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Опять.

МИЛЮКОВ. Ниночка, ты должна понять... Мы прожили с Аней столько лет...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Да нет!.. Я вовсе не про это... И... я прекрасно понимаю... Конечно, этого никуда не деть... И не надобно никуда девать! *(Целует его в голову.)* Так что я вовсе не ревную, Павел ты мой Николаевич... Тем более что ты называл мужское имя...

МИЛЮКОВ. Мужское?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Мужское.

МИЛЮКОВ. Я ничего не помню.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Вы спорили. *(Вздыхает.)* Вашему спору не будет конца... Пойду что-нибудь приготовлю.

МИЛЮКОВ. Да. Трудно жить полной жизнью на пустой желудок... *(Пауза.)* Не напрягайся. Это не моё. Цитата.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. А... Шполянского.

МИЛЮКОВ. Дона Аминадо!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Твой дон вот-вот придёт. У него скоро поезд. *(Уходит в кухню.)*

Милюков какое-то время сидит, задумавшись. Потом - читает.

ГОЛОС МИЛЮКОВА. Гитлер и Сталин! Случилось так, что эти два человека, вышедшие оба из неизвестности, грубые по натуре и врождённому инстинкту, лишённые культуры и образования, сумели в эти дни не только сохранить то руководящее положение, которое каждый из них в своей стране занимал, но и взять в свои руки судьбу многих миллионов людей в Европе и во всем свете. Оба, во имя нового порядка, который должен быть создан в мире, растоптали все понятия права и морали, выработанные столетиями человеческой цивилизации. Оба провозгласили себя носителями мирового переворота во исполнение их исторической миссии. Оба, как будто, были предвестниками тех сумерек богов, о которых так часто вещали поэты и пророки. *(Опускает лист, берёт карандаш, делает правки).*

Стук двери. Входит Шполянский, смуглый, большеглазый мужчина лет сорока пяти. Кладёт на столик большой запечатанный конверт. Милюков пристально смотрит на конверт.

ШПОЛЯНСКИЙ. Это ваш экземпляр завещания.

МИЛЮКОВ. Да-да. Я понимаю. Спасибо. Огромное спасибо...

ШПОЛЯНСКИЙ. Рад был помочь. *(Пауза.)* Вас что-то беспокоит, Павел Николаевич?

МИЛЮКОВ. Нет, нет... Разве только... само существование завещания.

ШПОЛЯНСКИЙ. Понимаю. Чтобы составить завещание, надо сделать большое усилие.

МИЛЮКОВ. Да. Что называется, подвести черту.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА *(входя из кухни)*. Глупости, никакой черты. Это просто формальность.

ШПОЛЯНСКИЙ. Необходимая формальность. Тем более, в вашем случае... *(Поспешно.)* Я имею в виду, что у вас есть чем распорядиться... Слава богу.

Нина Васильевна освобождает столик от бумаг. Милюков следит за её действиями. Нина Васильевна показывает ему конверт с завещанием и кладёт его в один из ящиков бюро.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА *(уходя в кухню)*. Сейчас будем обедать...

ШПОЛЯНСКИЙ *(беря стул и подсаживаясь к милюковскому креслу)*. Как идёт работа?... Мемуары... продвигаются?..

МИЛЮКОВ. Не так быстро, как хотелось бы. Не хватает документов... И память стариковская.

ШПОЛЯНСКИЙ *(улыбаясь)*. Павел Николаевич, не гневите богов... Мне бы такую память.

МИЛЮКОВ. Нет, нет, я не кокетничаю... Невозможно писать о таких событиях на память. Это просто ужасно...

ШПОЛЯНСКИЙ. Ну, в конце концов, война не продлится вечно... Вернётесь в Париж, отредактируете.

МИЛЮКОВ. Да, конечно... Дай только бог - дожить...

ШПОЛЯНСКИЙ. Доживёте, вам еще надо мемуары закончить... Кстати, как там на фронте?

МИЛЮКОВ *(поворачиваясь к карте, поднимая палец)*. Ну как?... В общем, недурно... Загогулину Ржевскую отрезали наконец. Сколько нам крови стоила... Целый год – как в стену... А до Москвы всего сто верст... Так что теперь гораздо лучше. На крымском направлении... от Екатеринодара... запечатали германцев в Крыму. Только вот, Харьков снова отдали... Смазали сталинградский успех... Жаль!

ШПОЛЯНСКИЙ. Сталинградский...

МИЛЮКОВ *(пожимая плечами)*. Сталинградский... Не скажешь ведь: царицынский?..

ШПОЛЯНСКИЙ. Это верно... Не скажешь.

МИЛЮКОВ. Что ж теперь... В общем, учится армия, но... как писал товарищ Ленин, шаг вперед, два шага назад... Кто бы мог подумать, что русская армия отступит до самой Волги?..

ШПОЛЯНСКИЙ. Русская? Советская, Павел Николаевич...

МИЛЮКОВ. Бросьте, Аминад Петрович! Не стоит играть словами. И та армия состояла преимущественно из русских мужиков, из крестьян, и эта...

ШПОЛЯНСКИЙ. Из колхозников... Но та армия не бегала до Кавказских гор.

МИЛЮКОВ. Не бегала... Это верно. Но, боюсь, не армия в том виновата...

ШПОЛЯНСКИЙ. Говорят, огромное количество пленных... Невиданное дело!

МИЛЮКОВ. То-то и оно. Почему столько пленных? Русский солдат всегда был храбр и стоек.

ШПОЛЯНСКИЙ. Может быть, не хотел русский мужик воевать за советскую власть?

МИЛЮКОВ. Не знаю... Может быть... Но в дни испытаний всегда наступает момент выбора. Так и здесь: кто больший враг – Гитлер или Сталин?

ШПОЛЯНСКИЙ. А не усложняете ли вы, Павел Николаевич? Свойственно ли мужику задаваться такими вопросами?

МИЛЮКОВ. Нет, нет, это вы упрощаете! Вы знаете, как я отношусь к советской власти, к Сталину... но надо признать очевидно: дореволюционный мужик и нынешний колхозник – разные люди. И по культурному уровню, и по политическому сознанию.

ШПОЛЯНСКИЙ. Ну да, вы писали в своей статье... Но я, право, не знаю...

Пауза.

МИЛЮКОВ (*не глядя на Шполянского*). Что говорят?..

ШПОЛЯНСКИЙ. Говорят?..

МИЛЮКОВ. Не притворяйтесь, Аминад Петрович... Вы понимаете, что я про мою статью... Про уроки большевизма.

ШПОЛЯНСКИЙ (*взглянув на вошедшую Нину Васильевну*). Ну что?.. Разное говорят.

МИЛЮКОВ. Ругают?

ШПОЛЯНСКИЙ. Не то чтобы ругают...

МИЛЮКОВ. Да знаю я, что они говорят. Свихнулся, мол, Милюкова на старости лет, и в своем безумии обнаружил правду большевиков...

ШПОЛЯНСКИЙ. Ну, не совсем так... Но многие не одобряют.

МИЛЮКОВ. Да, представляю, что напишет Вишняк в «Новом журнале»...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ну, чтобы он ни написал, это не должно нам помешать выпить за встречу... Наливайте, Аминад Петрович!

ШПОЛЯНСКИЙ. Слушаюсь!

Шполянский наливает. Всё пьют.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. А теперь... Как там, у почтенного дна Аминадо?.. Какова плата за гостеприимство?

МИЛЮКОВ. Сплетня!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Вот именно. Рассказывайте. Кто, что, где и – как.

ШПОЛЯНСКИЙ. Ну, все по-прежнему. Бунины в Грассе...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Иван Алексеевич скучает, наверное, без Кузнецовой...

МИЛЮКОВ. Нина...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Собственно, я хотела сказать: скучает по своему гарему... Разве это неправда? Ты всегда за то, чтоб называть вещи своими именами.

МИЛЮКОВ. Ну, хорошо, хорошо...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Каждый мужчина не прочь иметь гарем... На деле. А на словах – все прогрессисты и за равноправие женщин.

ШПОЛЯНСКИЙ (*улыбаясь*). Столько лет прошло...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Старая любовь, если настоящая, не ржавеет... Верно, Павел Васильевич?

ШПОЛЯНСКИЙ (*добродушно*). Тэффи в Биарицце, там же Георгий Иванов с Одоевцевой...

МИЛЮКОВ. Да, в Биарицце уж получше, чем в нашей-то дыре...

ШПОЛЯНСКИЙ. Говорят, тоже не сахар.

МИЛЮКОВ. Зато у моря... А Деникин? Есть сведения?

ШПОЛЯНСКИЙ. Деникин в Мимизане. Тоже пишет мемуары.

МИЛЮКОВ. Правильно делает. А ведь он помоложе меня... Лет на десять. (*Пауза.*)

Представляю, что он думает про мою правду большевизма...

ШПОЛЯНСКИЙ. В январе умер Коковцов.

МИЛЮКОВ (*крестясь*). Он был постарше меня... (*Пауза.*) Про Маклакова что-нибудь известно?

ШПОЛЯНСКИЙ. Ничего. С тех пор, как вышел из гестапо... Гиппиус...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*вскидываясь*). Что?..

ШПОЛЯНСКИЙ. Нет, нет, жива!.. Ютится в какой-то ужасной мансарде со своей дикой кошкой... Говорят, стала настоящей ведьмой...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Станешь тут... Они же с Мережковским пятьдесят лет не расставались ни на один день...

ШПОЛЯНСКИЙ. Вы помните Гуля, Павел Николаевич?

МИЛЮКОВ. Конечно, помню. Он приходил ко мне с каким-то письмом в министерство иностранных дел... Пытался вывезти семью из Германии... В тридцать пятом году... Или в тридцать шестом.

ШПОЛЯНСКИЙ. Добился в конце концов. Так вот, он теперь фермер... В Нераке.

МИЛЮКОВ. Нерак... Гасконь. Родина Генриха четвёртого.

ШПОЛЯНСКИЙ. Да. А вы говорите, Павел Николаевич, память...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Павел Николаевич помнит всё. Каждую мелочь... Недавно поразил... просто в самое сердце. Наша первая встреча... Сорок лет прошло...

МИЛЮКОВ. Ну, не совсем сорок... Тридцать пять. Мы, Аминад Петрович, впервые встретились с Ниной Васильевной на вокзале в Великих Луках...

ШПОЛЯНСКИЙ. Да-да, я что-то слышал... Только не думал, что так давно...

МИЛЮКОВ. Представьте... Ночь, вокзал, молоденькая женщина с вещами на перроне. Расписание не выполняется, беспорядок...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Импозантный незнакомый мужчина помогает даме занять место в купе и на прощанье даёт свою карточку. Из которой я только через месяц сообразила, с кем меня свела судьба... Так вот, Павел Николаевич говорит мне как-то, не так давно: на этом самом вокзале у тебя на шляпке была такая лента, бирюзовая... Нет, говорю, не может быть... Не могла у меня быть такая лента. Бирюзовая! Это же верх безвкусицы... А он: а мне, говорит, очень понравилось... И вы представляете, Аминад Петрович, через неделю я вспомнила! В самом деле, так оно и было!..

МИЛЮКОВ (*несколько сконфуженно, Шполянскому*). Мы сблизились, как говорится, на музыкальной платформе... Ну, вы знаете... А что, Нина Васильевна, дорогая, может быть, ты нам сыграешь? Хозяин привёз нам пианино... жаль, что я не могу помочь своей партией... Мой альт погиб в огне мировой войны...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Этот инструмент никуда не годится.

МИЛЮКОВ. Ну, что поделаешь...
ШПОЛЯНСКИЙ. Сыграйте, Нина Васильевна...

Нина Васильевна оглядывает мужчин, встаёт, идет к пианино, садится. Несколько секунд сидит неподвижно, затем начинает играть. Начинает – тут же обрывает с недовольной гримасой. Качает головой, снова начинает.

МИЛЮКОВ (*запевая*). А воды уж весной шумят...
ШПОЛЯНСКИЙ (*подхватывая*). Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...
ВСЕ ВМЕСТЕ. Они гласят во все концы: «Весна идет, весна идет, мы молодой весны гонцы, она нас выслала вперед!»

Нина Васильевна обрывает игру, закрывает лицо руками – плачет.

МИЛЮКОВ (*пытаясь встать*). Ниночка, что случилось?
НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*вытирая слёзы*). Простите. Сиди, Павел Васильевич...

Идёт к столу.
Шполянский встаёт и целует её руку.

МИЛЮКОВ. Спасибо, дорогая...
НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Так что там Гуль?
ШПОЛЯНСКИЙ. Гуль?.. Бедствует. Даже на завод какой-то подряжался вместе с женой.

МИЛЮКОВ. Вот как... Так что нам ещё грех жаловаться... Война. Боже мой, с тех пор уже вторая большая война...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Не слишком ли они зачастили, эти большие войны? А, господа политики?

ШПОЛЯНСКИЙ. Да уж...

МИЛЮКОВ. Увы, война – естественное состояние человечества.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Естественное?

МИЛЮКОВ. Это – факт. Как к нему ни относиться.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Но неужели ничего нельзя сделать? В конце концов, мы живём в век прогресса! Разве нельзя управлять миром как-то разумнее?

МИЛЮКОВ. Простой вопрос... Но не на все простые вопросы есть простые ответы.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Нет, в самом деле... Каждый из вас, политиков, в отдельности – гуманные, чадолюбивые люди. Но как только вы собираетесь все вместе, чтобы решать государственными дела, кровь начинает литься рекой...

МИЛЮКОВ. Увы, от каждого из политиков в отдельности мало что зависит...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Вот как! То есть, ты относишься к этой проблеме вот так, философски?..

МИЛЮКОВ. Ну да... А что остаётся?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Тогда почему ты вновь и вновь споришь со своими оппонентами? Если всё так философски предопределено?..

Пауза.

МИЛЮКОВ (*с грустной улыбкой, Шполянскому*). Я тут иногда по-стариковски... Вспоминаю... Нина Васильевна предостерегает... мол, заговариваться стал... (*Пауза.*) Всё чаще вспоминаю начало века... Первая дума, вторая... Встреча с Витте... не поверите, Аминад Петрович, я вёл с царскими сановниками тайные переговоры о кадетском кабинете министров... Помните генерала Трепова?

ШПОЛЯНСКИЙ. Трепов? Треповых было много... Это который московский полицмейстер?

МИЛЮКОВ. Да, при великом князе Сергее Александровиче. Потом в Питере генерал-губернатором... А умер дворцовым комендантом в Петергофе, возле императорского тела.

ШПОЛЯНСКИЙ. Должно быть, малосимпатичная личность?.. Чурбан?

МИЛЮКОВ. Да, Витте так и написал в мемуарах... Но парадокс в том, что этот-то чурбан больше всех и убеждал государя-императора рискнуть на кадетское министерство...

ШПОЛЯНСКИЙ. Вот как?.. Удивительно!

МИЛЮКОВ. Он был – за, а Столыпин с Коковцовым – против... И вот я с ним в питерском ресторане «Кюба» провёл раунд переговоров... Нет, Трепов был совсем не дурак. Напротив... Так вот, я сначала с ним тайно якшался на предмет возможного кадетского кабинета, а затем – и со Столыпиным...

ШПОЛЯНСКИЙ. Когда он уже был председателем правительства?

МИЛЮКОВ. Нет, летом шестого года... он был министр внутренних дел... Так вот, Трепов был за наше министерство, а Столыпин, разумеется, против...

ШПОЛЯНСКИЙ. Почему – разумеется?

МИЛЮКОВ. Потому что в этом случае ему не было там места.

ШПОЛЯНСКИЙ. И каков же вышел разговор?

МИЛЮКОВ. Так себе. С недомолвками. Как бы для проформы.

ШПОЛЯНСКИЙ. А зачем было затевать?

МИЛЮКОВ. Я думаю, это было поручение государя.

ШПОЛЯНСКИЙ. Вот как. То есть, он не мог отказаться.

МИЛЮКОВ. По-видимому, да. Отказаться не мог, но вёл свою игру. А кадеты ему мешали.

ШПОЛЯНСКИЙ. Наверное, при дворе каждый вёл свою игру.

МИЛЮКОВ. Конечно. Каждый думает о себе, а интересы России – как получится. И в этом отношении Трепов оказался исключением.

НИНА ВАСИЛЬЕВАНА. Но, Павел Николаевич... разговариваешь ты во сне не с Треповым, а со Столыпиным...

Пауза.

МИЛЮКОВ. Что же ты меня конфузишь, Ниночка? Аминад Петрович бог знает что подумает...

ШПОЛЯНСКИЙ (*добродушно*). Это, наверное, оттого, Павел Николаевич, что с Треповым вы поняли друг друга, а со Столыпиным – нет...

МИЛЮКОВ (*Нине Васильевне*). Вот за что люблю дону... не только за остроту мысли, за поэтическую лапидарность... А потому что хороший человек. Кстати, как там? Без царя в голове и республиканцам плохо...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Да, да, да! Сейчас... Бросить в женщину камнем можно только, если камень драгоценный...

ШПОЛЯНСКИЙ. В каждом булыжнике дремлют искры, надо лишь уметь их высечь...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*с секундной паузой*). Дон Жуан менял только женщин... Ой, забыла...

ШПОЛЯНСКИЙ. ... менял только подлежащее и оставался верен сказуемому...

Нина Васильевна хохочет.

МИЛЮКОВ (*победоносно*). У чужих жён мигрени не бывает...

ШПОЛЯНСКИЙ (*грустно*). Тот брак счастливый, когда одна половина храпит, а другая – не слышит...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. А вот ещё... Женская биография до тридцати – хронология, а после – мифология...

МИЛЮКОВ. Красивую женщину унижить невозможно. Почему? Она всё равно останется красивой, а унизивший ее – останется в дураках...

Нина Васильевна хлопает в ладоши. Пауза. Шполянский выразительно молчит.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Что? Что?..

ШПОЛЯНСКИЙ. Я не помню такого... Может, забыл?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*глядя на Милюкова*). Павел Николаевич...

МИЛЮКОВ (*торжествующе*). Ага, купились!.. Да, это вовсе даже не Дон Аминадо... Это всего лишь Черчилль!

ШПОЛЯНСКИЙ. Как? Неужто сам?.. Всё! Жизнь удалась... коли я на одних весах с сэром Уинстоном!

Пауза.

МИЛЮКОВ. А вообще-то самое лучшее... у донна... Если у тебя есть план спасения России, оставь его в черновике и никому не показывай...

Пауза.

Шполянский встаёт.

ШПОЛЯНСКИЙ. Надо ехать. (*Надевает пальто.*)

Милюков поднимается из кресла. Мужчины обнимаются. Нина Васильевна целует Шполянского, тот целует её руку.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ни пуха, ни пера...

МИЛЮКОВ. С богом.

Шполянский кивает и выходит. После небольшой паузы Милюков садится. Нина Васильевна уносит тарелки на кухню.

Милюков берет папку, перебирает листы бумаги.

Нина Васильевна выходит из кухни, подходит к креслу, целует Милюкова в голову.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Я пойду. Лягу... Устала.

МИЛЮКОВ. Конечно, конечно...

Нина Васильевна уходит в спальню.

Милюков перебирает бумаги, потом откладывает их в сторону. Откидывается на спину. Сидит, задумавшись.

Возникает звук телефонного звонка. Затем – щелчок...

ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. Павел Николаевич, с вами хочет встретиться Трепов...

ГОЛОС МИЛЮКОВА. Трепов? Который? Генерал? Тот самый?..

ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. Тот самый. Нынешний дворцовый комендант. Глаза и уши императора...

ГОЛОС МИЛЮКОВА. А вы-то при чём? Вы ведь журналист... Что за игры?

ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. Павел Николаевич, иногда журналисты очень удобны. Они и тут, и там. Ей, богу, нет никакой второй подкладки...

ГОЛОС МИЛЮКОВА. Нет?

ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. Ну, хорошо, возможно, вторая есть. Но третьей – избави боже...

ГОЛОС МИЛЮКОВА. Трепов хочет видеть меня?.. Он мог просто позвонить.

ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. Как раз это непросто... Не беспокойтесь, я всего лишь передаточное звено.

ГОЛОС МИЛЮКОВА. И вы, конечно, не знаете, что он хочет от меня?..

ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. Совершенно.

ГОЛОС МИЛЮКОВА. И не догадываетесь?

ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. Как вам сказать... Я знаю, что государь император встречался с отдельными персонами из ваших соратников... Но мои догадки останутся при мне.

ГОЛОС МИЛЮКОВА. В чем же ваш гешефт как журналиста?

ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. Только хорошие отношения.

ГОЛОС МИЛЮКОВА. Хорошие отношения и тут, и там... Очень умно!

Часть сцены освещается ярким светом. Это - кабинет в петербургском ресторане «Кюба».

Трепов, плотный мужчина в генеральском мундире, с решительным выражением лица - сидит за столом.

Открывается дверь кабинета, становится слышен густой ресторанный шум. Входит Милюков.

ТРЕПОВ (*вставая*). Рад видеть, Павел Николаевич.

Обмениваются рукопожатием.

Трепов снова садится, жестом приглашает и Милюкова.

МИЛЮКОВ. Хорошее место.

ТРЕПОВ. Вы имеете в виду – для политических разговоров?

МИЛЮКОВ. А предполагаются политические?..

ТРЕПОВ. Ну, не про балеринок из мариинского нам с вами беседовать, Павел Николаевич...

МИЛЮКОВ. Да уж... это для великих князей.

ТРЕПОВ (*усмехаясь*). Ну, теперь-то все по-другому... Государь очень семейственный человек.

МИЛЮКОВА. Вам виднее, генерал. Вы теперь там рядом... Говорят, что вы глаза и уши государя...

Пауза.

ТРЕПОВ. А вы – колючий...

МИЛЮКОВ (*махнув рукой*). Простите... Это я... немного не в своей тарелке.

ТРЕПОВ. Отчего так?

МИЛЮКОВ. Да необычно как-то... Генерал-губернатор Петербурга и опальный кадет в одном кабинете...

ТРЕПОВ. Бывший генерал-губернатор... А нынче всего лишь дворцовый комендант.

МИЛЮКОВ. Всего лишь... Скажите откровенно, Дмитрий Федорович... если возможно... государь император... в курсе? Нашего с вами тет-а-тет?

ТРЕПОВ. Нет. Пока еще нет.

МИЛЮКОВ. Я так и думал.

ТРЕПОВ. Вы разочарованы? А вот скажите... ваши э-э... как бы точнее выразиться... ваши товарищи по партии... оповещены о нашей встрече?

МИЛЮКОВ (*засмеявшись*). Нет. Пока еще нет.

ТРЕПОВ. Ага... Значит, мы квиты. (*Поднимает рюмку и выпивает. Милюков только обозначает движение к рюмке и убирает руку обратно.*) Таким образом, здесь вы представляете только самого себя?

МИЛЮКОВ. Да, это так. С одной стороны...

ТРЕПОВ. А с другой?

МИЛЮКОВ. С другой... Хоть я и нахожусь в этом ресторане как частное лицо, но я остаюсь членом партии кадетов.

ТРЕПОВ. И не последним членом... Говорят, вы управляете фракцией кадетской партии из думского буфета.

МИЛЮКОВ. Это, конечно, преувеличение... Но... Вы же позаботились о том, чтобы я не мог избраться. Вот и приходится... использовать буфет в политических целях.

ТРЕПОВ. Помилуйте, Павел Николаевич, я не имею никакого отношения к вашим полицейским неприятностям.

МИЛЮКОВ. Не вы, конечно, но ваша, правительственная партия... А из буфета, между прочим, вполне себе удобно слушать думские речи.

Пауза.

ТРЕПОВ. Павел Николаевич, я не буду наводить тень на ясный день... Я человек прямой. И поэтому спрашиваю прямо: как бы вы отнеслись к тому, что... Предположим, появилась возможность создать правительство, ответственное перед государственной думой... Как говорится, правительство народного доверия... (*Пауза.*) Вы удивлены?

МИЛЮКОВ. И да, и нет.

ТРЕПОВ. Будьте добры, сударь, объяснитесь.

МИЛЮКОВ. Не удивлен, потому что когда-то же мы должны будем ступить на этот путь – настоящего народного представительства. Сказавши «а» манифестом 17 октября, надо говорить и «б». Коли партия конституционных демократов получила большинство в думе – значит, она имеет мандат на проведение той политики, которую поддержал российский избиратель. Чем российский парламент хуже английского, французского? В конце концов, он должен быть не хуже хотя бы болгарского...

ТРЕПОВ. Неужто нам равняться на болгар? Это как-то обидно.

МИЛЮКОВ. А собственно, почему? Я хорошо знаю Болгарию, бывал там...

ТРЕПОВ. Да, да, нам известно...

МИЛЮКОВ. Ещё бы вам было не известно... Так вот, я в прошлом году говорил графу Витте, когда обсуждался избирательный закон: не надо ничего придумывать, возьмите болгарский, и этого для начала в России будет довольно.

ТРЕПОВ. Ага, Павел Николаевич, выходит, вам не впервой вести политические беседы в тайных кабинетах...

МИЛЮКОВ. А вот и ничего подобного. Мы говорили с графом в его квартире... Он ничего не скрывал.

ТРЕПОВ. Если это шпилька в мой бок, то напрасно. Я не об себе, я больше об вас беспокоюсь... А про меня наша-то сторона и так всё знает. Столыпин получит доклад о нашей с вами встрече через час после того, как мы разойдёмся. И завтра у барона Фредерикса обиняками будет узнавать: осведомлён ли сам барон, знает ли государь...

МИЛЮКОВ. Понятно...

ТРЕПОВ. Но вы не договорили... Вы изволили сказать: что и удивлены моим заходом, и в одно время - нет...

МИЛЮКОВ. Да, я уверен, рано или поздно партия, получившая поддержку избирателей, будет иметь полное право формировать кабинет. И это не будет зависеть от желания или нежелания отдельных лиц. И от кулуарных переговоров... И мы работаем для того, чтобы этот день пришёл как можно раньше... *(Трепов снова поднимает рюмку. На этот раз Милюков берет свою, выпивает водку, закусывает.)* Другое дело, я удивлен тем, что слышу это от вас... Генерал, вы прямой человек, я тоже буду откровенен... Вы знаете, как вас величают... В народе?... За глаза?

ТРЕПОВ. Разумеется, знаю. Генерал «патронов не жалеть».

МИЛЮКОВ. В прошлом году в одном социалистическом журнальчике был напечатан манифест 17 октября, а нем – отпечаток окровавленной руки...

ТРЕПОВ. Ну как же, как же... Помню. Подпись: генерал-майор Трепов руку приложил... Кстати, журнальчик назывался «Пулемет». Мы его немедля запретили.

МИЛЮКОВ. Как это совмещается? «Патронов не жалеть» и хлопоты за кадетское министерство?

ТРЕПОВ. Павел Николаевич, вы же дельный человек... Историк. Политик... Надо же отделять пустую болтовню от реальности. Да, я подписал этот злосчастный приказ... Я сделал это намеренно. Чтобы поднять дух войск и одновременно дать понять бунтовщикам, что готов на крайние меры. Как должен поступать государственный муж в минуту опасности для государства и трона? Кстати, а как бы поступили вы? Недурно быть оппозицией, а если на тебе ответственность? Представьте, вы – министр внутренних дел? Или – премьер? Это ведь уже вполне возможно... Как бы вы поступили?

МИЛЮКОВ. Ну, об этом рано говорить. Нам сейчас не о личностях надо говорить, а - о направлениях политики.

ТРЕПОВ. Это я понимаю. И поддерживаю. А всё же? Скажите: как бы вы поступили в такую минуту?

МИЛЮКОВ (*задумчиво*). Если бы ответственность лежала на мне... на моей партии... мы бы постарались не доводить ситуацию в стране до такого положения, когда нужно применять войска.

ТРЕПОВ (*подняв палец*). Это вы хорошо сказали, Павел Николаевич. Это мне нравится. Именно поэтому я сижу здесь с вами. Я не хочу, чтобы страна снова оказалась в таком положении, когда её судьба и судьба трона зависела бы от решимости губернатора или полицейского офицера... Понимаете?

МИЛЮКОВ. Понимаю... (*С улыбкой качает головой.*) И всё-таки не укладывается в голове...

ТРЕПОВ. Что Трепов хлопочет за ответственное правительство?

МИЛЮКОВ. При чем – правительство кадетов...

ТРЕПОВ. Вы же – большинство! А я хочу действовать в духе манифеста 17 октября. Как говорится, от «а» до «я»... Не верится? Кстати... Вот, говорят, Трепов такой, Трепов сякой... Но ведь после «патронов не жалеть» в Петербурге не пролилась ни одна капля крови... Вы это помните?

Пауза.

МИЛЮКОВ. Да, похоже, именно так.

ТРЕПОВ. То-то и оно...

МИЛЮКОВ (*разводя руки*). Даже не знаю, что сказать.

ТРЕПОВ. А ничего не говорите. Занесите этот мелкий факт в свою научную картотеку. Или как там у вас называется... Для будущих поколений. (*Вынимает из кармана записную книжку и карандаш*). Это всё были слова, разговоры... А теперь приступимте к делу. Я готов записать предложения по составу кабинета... Диктуйте!

МИЛЮКОВ. Дмитрий Федорович, вы меня не поняли... Я же говорил и остаюсь на том, что прежде фамилий, прежде лиц мы должны условиться политически... Мы – партия, у нас есть программа. Программа вышла из самой гущи русской жизни. И вы... те, кто стоит за вами... должны понять, что мы можем проводить только ту политику, которая соответствует воле русского избирателя... Если вы хотите просто реабилитировать старую власть, задрапировать её новым покрывалом – ничего не выйдет. Речь идёт не о перемене лиц. Речь должна идти о перемене всего курса.

Пауза. Трепов, подняв карандаш, смотрит на Милюкова.

ТРЕПОВ. Хорошо. Я вас понял. Диктуйте ваши условия... Возможно, и в самом деле это важнее лиц...

МИЛЮКОВ. И так, первое, необходимое. Ответственное министерство из думского большинства...

ТРЕПОВ. Нет возражений... Хотя... А ежели разбавить немного... Тот же Столыпин... Или вот, Извольский... Не самый плохой министр иностранных дел... Впрочем, вы будете не хуже. Ежели не станете сразу премьером...

МИЛЮКОВ. Опять вы, Дмитрий Федорович, сводите к лицам... Государь должен довериться политической силе, которая получила народную поддержку. А эта политическая сила уже разберет внутри себя, кто справится с одной функцией, а кто – с другой...

ТРЕПОВ. То есть, никаких коалиций?..

МИЛЮКОВ. Кадетская партия, в сущности, и есть такая большая коалиция. Земства, профессиональные союзы, общественные движения... Что к этой коалиции может добавить Столыпин? Или Извольский... Только личные карьерные амбиции, ничего больше.

ТРЕПОВ. Хорошо... Принимается. Пока... Дальше.

МИЛЮКОВ. Главный вопрос – аграрный. Принудительное отчуждение помещичьих земель в пользу крестьянства... *(Пауза.)* Задумались? Что, страшно?

ТРЕПОВ. Помилуйте, ничуть. Нынче каждый помещик отдаст одну часть, чтобы навсегда сохранить другую. Не в этом дело...

МИЛЮКОВ. А в чём?

ТРЕПОВ. Думаю, государь пойдёт на это. Но с одним условием...

МИЛЮКОВ. Условие? Назовите.

ТРЕПОВ. Это должен быть не думский подарок мужику, а – царский...

МИЛЮКОВ *(улыбаясь)*. Понятно. Как манифест 17 октября...

ТРЕПОВ. Да, Павел Николаевич. Это мелочь. Но это важная для государя мелочь.

МИЛЮКОВ. То есть, по существу, совсем не мелочь?... *(Пауза.)* Я не могу говорить за всю партию. Такой вопрос требует общего решения.

ТРЕПОВ. А ваше личное мнение?

МИЛЮКОВ. Знаете ли, ин май опиньон... откуда придет окончательное решение крестьянского вопроса, из думы или из Петергофа – дело десятое. Лишь бы оно свершилось.

ТРЕПОВ. Принимается... Дальше.

МИЛЮКОВ. Дальше... Всеобщее избирательное право.

ТРЕПОВ. Думаете, час настал?

МИЛЮКОВ. Давным-давно.

ТРЕПОВ *(качая головой)*. Умом я понимаю, что вы правы. Но... Сто миллионов голосующих мужиков... *(Записывает в книжку.)* Дальше?

МИЛЮКОВ. Пересмотр так называемых основных законов...

ТРЕПОВ. А их нужно пересматривать?

МИЛЮКОВ. Решительно.

ТРЕПОВ *(пожимая плечами, пишет в книжку)*. Вам виднее...

МИЛЮКОВ. Ну, и наконец... Принятие конституции. Пусть Дума её примет, а государь – одобрит...

ТРЕПОВ. Конституция...

МИЛЮКОВ. Да, конституция. Что, опять страшно? Вот и Витте кривился, когда я ему сказал: произнесите это слово – конституция... В конце концов, первым из русских царей его публично произнёс ещё прадед государя, Александр Павлович...

ТРЕПОВ. Трудно Николаю Александровичу выговорить это слово... А куда деваться? Хорошо, я вас понял... Вот вам моя карточка. Звоните в любое время. Нынче не до церемоний.

Сцена ресторанный кабинета гаснет.

Пауза.

Милюков встает, идёт к карте, стоит перед ней, рассматривая её сверху донизу.

Подходит к окну, стоит, смотрит в темноту.

Снова возвращается к креслу, садится, берет бумаги, перебирает их. Затем откидывается в кресле, рука опускается, листы выпадают и разлетаются по комнате.

Становится слышен густой обший звук леса: чириканье птиц, шум ветра и шуршание листьев. Женский голос тянет ласково: «Пашенька, милый, где ты? Пора завтракать...»

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА

АКТ ВТОРОЙ

Гостиная в квартире Милюковых. Вечер.

Милюков сидит в своём кресле. Нина Васильевна – рядом, на стуле. На столике – остатки немудрящего обеда.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. И где теперь Шполянский?

МИЛЮКОВ. Никто не знает, куда он направляется. Конспирация... Может, уже в Биаррице, а может, в Париже...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Как это он не боится? Под чужим паспортом...

МИЛЮКОВ. А что делать? Слава богу, он больше похож на француза, чем на еврея...

Пауза.

МИЛЮКОВ. В последнее время мне снится наше подмосковное Пушкино... Ну, если не считать Столыпина... Если ты не ослышалась... Наш домик в Пушкино, я просыпаюсь на своём чердаке, за окном птицы щебечут, пахнет прелым лесом, и матушка зовёт меня... Боже мой, сколько же я сменил домов, квартир...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Как там теперь это Пушкино? А немцев там не было?

МИЛЮКОВ. Пушкино – на восток, туда, слава богу, не добрались... Там хватило большевиков.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. У тебя вновь изменился взгляд на большевиков?

МИЛЮКОВ. Конечно, нет...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Но твоя статья... Мне казалось...

МИЛЮКОВ (*устало*). Нина, милая, уж ты-то должна меня понимать... Ничего не изменилось. Большевизм, по большому счёту, зло для России... Но не замечать реальности тоже нельзя. Это политически близоруко.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*пожимая плечами*). Ну, не знаю... Тем более, я и в самом деле близорука.

МИЛЮКОВ. Господи, ты же знаешь, я совсем не это имел в виду...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*вставая и принимаясь собирать посуду*). Да, я знаю... Но иногда нелегко поспевать за поворотами твоей мысли... (*Уходит в кухню.*)

Милюков качает головой, вздыхает, откидывается в кресле.

Берет папку, листает бумаги.

Стук в дверь.

Нина Васильевна выходит из кухни, идёт в прихожую.

Милюков листает бумаги, прислушивается к голосам в прихожей.

Входит Нина Васильевна.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Павел Николаевич, у нас тут... Гость. (*Оборачивается.*)
Проходите.

Входит мужчина лет сорока пяти в небогатой дорожной одежде. В руке – кепка, за плечами – холщовый мешок.

МУЖЧИНА. Здравствуйте!

МИЛЮКОВ (*удивленно*). Вы русский?

МУЖЧИНА. Да, мсье... То есть... уж не знаю, как вас называть...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Павел Николаевич.

МИЛЮКОВ. А вас как величать?

МУЖЧИНА. Журавлёв я. Жан Журавлёв... Иван, то есть... Привык тут с французами... на их лад.

МИЛЮКОВ (*привставая в кресле, с интересом*). Журавлёв? Иван... А по батюшке?

МУЖЧИНА. Тимофеичем был...

МИЛЮКОВ. Почему - был?

ЖУРАВЛЁВ. Ну, вы же знаете, мсье... Э, забыл опять...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*терпеливо*). Павел Николаевич Милюков...

ЖУРАВЛЁВ. Да, Павел Николаевич... А Тимофеичем кто же меня здесь назовёт?.. У французов, сами знаете, по простому... Как говорится, Иван да Марья... Жан да Мари.

МИЛЮКОВ (*с улыбкой посмотрев на Нину Васильевну*). Откуда вы взялись?.. Мсье Жан Журавлёв?

ЖУРАВЛЁВ. Так меня ажан к вам наладил... Ну, местный полицейский. Я его у развилки повстречал. Он у меня документы проверял... И как понял, что я русский, к вам и послал. Хороший человек.

МИЛЮКОВ (*Нине Васильевне*). Ты с ним знакома?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Не имела такого счастья.

МИЛЮКОВ. И почему вы так решили, любезнейший Иван Тимофеевич, что полицейский – хороший человек?

ЖУРАВЛЁВ. Ну как же. Мсье... то есть, Павел Николаевич... Он же меня запросто мог - в участок. Понятное дело. Война, а тут какой-то подозрительный шляется...

МИЛЮКОВ. Интересно. А он, значит, не в участок вас, а прямо – ко мне?

ЖУРАВЛЁВ. Да, мсье... Павел Николаевич... Там, говорит, какой-то знаменитый русский господин живёт.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Да. Бывший министр.

ЖУРАВЛЁВ. Министр?

МИЛЮКОВ. Ерунда...Вы, Журавлёв, наверное, есть хотите?

Пауза. Журавлёв переводит взгляд с Милюкова на хозяйку.

ЖУРАВЛЁВ. Не то чтобы очень хотелось... Бывало и хуже. Бывало, целый день ни маковой росины... А тут ажан, дай бог ему здоровья, меня напоил, так что терпимо.

МИЛЮКОВ. Понятно... Нина Васильевна, будь добра, сообрази что-нибудь Ивану Тимофеичу. Человек с дороги...

Нина Васильевна вздыхает, уходит в кухню.

ЖУРАВЛЁВ (*не без тревоги взглянув ей в спину*). Ну, я уж и не знаю, стоило ли... Не такая уж я персона.

МИЛЮКОВ. Ладно, Иван Тимофеевич, не прибедняйтесь. Тем более – сам ажан вас ко мне наладил... Садитесь вот сюда.

Журавлёв снимает с плеч мешок, опускает его на пол. Кладёт кепку на мешок, подходит к креслу Милюкова и садится на край стула.

МИЛЮКОВ. Нус, милейший, рассказывайте, какая нелёгкая занесла вас в эти края...

ЖУРАВЛЁВ. Так, скрываюсь я.

МИЛЮКОВ. От кого, позвольте узнать?

ЖУРАВЛЁВ. Известно от кого. От бошей. От германцев то есть.

МИЛЮКОВ. Ну да, конечно. От кого же ещё... А подробней?

ЖУРАВЛЁВ. Дело вот какое, мсье... Э, Павел Николаевич... Из Дижона я иду... Мы в Дижоне живём. Я, Мари да дочка наша, Натали... Наташенька то есть... Не ахти уж как живём, война, понятное дело, но я механиком на местном заводе, а Мари убирала у двух местных, побогаче... А тут нам передали... в мэрии немец, офицер расспрашивал про меня... Мол, что это за русский такой, Жан Журавлёв... Вот Мари и говорит: как бы чего не вышло, какой nuisance, мол, dangereux... Иди-ка ты, Жан... в Гренобль, там у моих кузенов спрячься пока, а там видно будет... Глядишь, скоро бошам конец настанет, ваши большевики за них всерьёз взялись, американцы вон, тоже... Вот я и пошёл.

Входит Нина Васильевна, ставит на столик тарелки.

МИЛЮКОВ. А что, хозяйюшка, найдётся у нас стакан вина для мсье Жана? Человек из Дижона идёт... Не шутка. (*Нина Васильевна качает головой, направляется в кухню.*) Может, и мне перепадёт стаканчик?... Раз пошла такая пьянка... Дочка Наташенька, говорите? Очень интересно!

ЖУРАВЛЁВ. Натали... На ихний манер.

МИЛЮКОВ. Погодите, Иван Тимофеевич... Да вы как здесь, во Франции оказались? Давно ли вы из России?

ЖУРАВЛЁВ. Давно... э, Павел Николаевич. Двадцать второй год.

Возвращается Нина Васильевна.

МИЛЮКОВ. Ниночка, так мсье Жан, тоже, выходит, эмигрант... Воевали, Иван Тимофеевич?

ЖУРАВЛЁВ. Так точно, ваше благородие. Мобилизован в одна тысяча девятнадцатом году, в Орловской губернии, прошёл с корпусом Май-Маевского до самого Новороссийска. Оттуда ушёл в Константинополь. Потом – Болгария. Так и до Парижа добрался...

МИЛЮКОВ. А что ж не остались-то? Большевики ведь рядовых, вроде бы, не трогали?

ЖУРАВЛЁВ. Как вам сказать... Дружок у меня был, шевутной такой парень... Он меня и подбил. Дескать, чего ты там найдёшь, на своём хуторе? Там большевики всё разорили. А ежели не разорили, так разорят... А ежели не разорят, так тебе все одно земли

не хватит, у тебя братьёв старших - двое... А тут свет посмотрим, как оно там живётся... А будем совсем худо, так пойдём назад на родную сторону.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Но вместо родной стороны – Дижон?

ЖУРАВЛЁВ. В Париже я с Мари познакомился, и мы с ней... слюбились. А как отец её помер... в Дижоне... она и говорит мне: поехали ко мне... в Дижон... там домик есть, будем жить. Руки есть, не пропадём. Так вот и жили. Наташенька родилась... А тут, вишь, война... опять.

МИЛЮКОВ. Да, интересный вы тип, Иван Тимофеевич. Извилистая у вас судьба... Ну, за судьбу! Которая вас ко мне занесла...

ЖУРАВЛЁВ (*выпив вина*). Да, сам бог к вам направил...

МИЛЮКОВ. Бог?... Ну, можно и так сказать.

ЖУРАВЛЁВ. А кто же еще? Я на развилке стою, думаю: куда же мне податься? Там развилка: направо, значит, к вам, а ежели налево, то куда-то в другую сторону... Я так думаю, в сторону швейцаров, потому как восток...

МИЛЮКОВ. Развилка?

ЖУРАВЛЁВ. Да, там еще святой Франциск... И вот, думаю: куда идти-то? Не дай бог, ошибусь... Стал я перед Франциском и прикидываю: ежели по-нашему, то направо, а по-ихнему, налево...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Почему? Почему – направо, налево?

ЖУРАВЛЁВ. Ну, как же, мадам? (*Крестится.*) По-нашему – направо...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*с еле заметной улыбкой*). Конечно, как я не догадалась...

ЖУРАВЛЁВ. Ну вот, повернул я направо, а там и ажана встретил... А он, видать, хороший человек, ваш ажан... Про вас вот сказал... Так что – конечно, сам господь бог распорядился.

МИЛЮКОВ. Да почему это важно? Что изменилось бы, если - налево? В чем разница?

ЖУРАВЛЁВ. Как? Большая разница. Ежели бы налево повернул, ажана бы не повстречал. Ажана не повстречал, про вас бы не узнал... Совсем другая история.

МИЛЮКОВ. Другая?... Любопытно...

ЖУРАВЛЁВ. Совсем другая... Развилка – дело хитрое. Её господь-бог недаром кладёт перед человеком.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Вы у нас прямо философ, мсье Журавлёв.

МИЛЮКОВ. Ну да. Как говорится, ничто так не сбивает с пути, как стоянье на перепутье. (*Нине Васильевне.*) Это не я. Это Дон Аминадо.

Пауза.

ЖУРАВЛЁВ. Ежели чего не так сказал... Не обессудьте.

МИЛЮКОВ. Нет, нет, Иван Тимофеевич, всё хорошо... А вот скажи-ка мне... Скажите... Вы же с Орловщины?

ЖУРАВЛЁВ. Ну да. Покровский уезд, село Вторая Липовица.

МИЛЮКОВЫ. Липовица... Ты только послушай, Нина Васильевна! Какая прелесть!

ЖУРАВЛЁВ. Да. Вторая Липовица, журавлёвский хутор.

МИЛЮКОВ. Хутор... А что за хутор?

ЖУРАВЛЁВ. Ну как?... Хутор и есть хутор... Как перед войной отрубились, так и жили.

МИЛЮКОВ. Перед войной? При Кривошеине?

ЖУРАВЛЁВ. Э... Не знаю при ком... Нет, другая была фамилия... Как же его? Ну, которого в Киеве убили...

МИЛЮКОВ. Столыпин!..

ЖУРАВЛЁВ. Он самый.

Пауза.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Мсье Журавлёв, Павел Николаевич был лидером кадетской партии...

МИЛЮКОВ. Ниночка, ей богу...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Милюков, вы должны знать... Он был министром временного правительства.

ЖУРАВЛЁВ. Кадеты? Как же... Помню.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. В Думе была самая большая фракция...

МИЛЮКОВ. Да не в том же дело... И самой большой она была в девятьсот шестом году...

ЖУРАВЛЁВ. Фамилии я не все знаю... да и забыл. Сколько времени-то прошло... Так, выходит, вы, Павел Николаевич, очень большой человек? Извините, если сразу не признал...

МИЛЮКОВ. Да прекратите! Ну что вы, в самом деле? Какая разница, кто был кем двадцать лет назад? Каждый делал своё дело. Кто что мог...

ЖУРАВЛЁВ. Так оно и есть. Кто министр, а кто... А теперь вот здесь сошлись... Нет, господь бог не зря людей сводит. Он промысел свой знает. Война идёт, а мы вот здесь, русские люди... *(Пауза.)* Как там, на фронте-то? Давно ничего не слыхал...

МИЛЮКОВ *(словно очнувшись)*. На фронте? Неплохо, неплохо... *(Показывает пальцем на карту.)* Ржевский пузырь прокололи... На юге припёрли германцев к Азовскому морю... Только вот Харьков снова отдали... Очень, очень жаль... Какая у нас манера воевать несобранная... Туда, сюда, обратно!.. Досадно. Ну, ничего, думаю, на этих ошибках генералы многому научатся... Ну и в Африке англичане с североамериканцами теснят Роммеля. Чувствую, на Италию они нацелились...

ЖУРАВЛЁВ. В Африке – это хорошо... Да больно далеко от России. Там бы помощь не помешала... а то опять русский мужик с винтовкой по лесам да полям... в грязи да в холоде... Что ж у нас такая судьба?

МИЛЮКОВ. У кого судьба? У России? Или у русского мужика?

ЖУРАВЛЁВ. Не знаю... Вопрос ваш, Павел Николаевич, хитрый... С подвохом.

МИЛЮКОВ. Да... Вопрос-то простой... да только на него простого ответа нет. Иногда мне приходит в голову, что судьба России и русский мужик – одно и то же...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. А как же всё остальное?

МИЛЮКОВ. Остальное?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Кроме русского мужика. Музыка, литература... Культура.

МИЛЮКОВ. Кроме?..

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Да. Всё то, о чём ты, Павел Николаевич, написал несколько томов своих очерков.

МИЛЮКОВ. Да, написал... Я всю свою жизнь полагал, что культура – это и есть главное.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. А теперь? Теперь ты разуверился?

МИЛЮКОВ. Разумеется, нет. Только, видишь ли... Кроме... А может ли быть – это «кроме»? Могло ли быть это «кроме» без русского мужика?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ты полагаешь – не могло?

МИЛЮКОВ. Так вот тебе – чистый эксперимент. Вся русская культура... ну, почти вся... ну, по крайней мере, половина... за границей. А русский мужик – там, на родине. В колхозе. А теперь – в армии... Вот и ответ. Они там живут без нас, а мы... Скоро все здесь перемрём, и что тогда будет? Много ли останется этого русского «кроме»?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ну, не надо заводить эту песню... насчёт перемрём... надо думать о хорошем. Верно, Иван Тимофеевич?

ЖУРАВЛЁВ. Конечно. Так и есть. Про хорошее.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ты еще мемуары не завершил. У тебя только семнадцатый год...

ЖУРАВЛЁВ. Про песню – это вы правильно сказали... Я вон своим бабам-то... женщинам, значит... как песню затяну, так они смеются.

МИЛЮКОВ. Песню? Русскую?

ЖУРАВЛЁВ. А я других не знаю.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Что же, французских-то за двадцать лет не выучили?

ЖУРАВЛЁВ. Да моя Мари этому к делу не приспособленная... Не дал ей бог. Да и песни у них, у французов, какие-то не такие.

МИЛЮКОВ. Не таковские...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Какие же не таковские?

ЖУРАВЛЁВ. Несерьезные. Прыг, скок, трали вали, тру ля ля... То ли дело наши. Как затянешь, так хоть плачь.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (*улыбаясь*). А вам, выходит, бог дал... А ну-ка, затяните!

ЖУРАВЛЁВ. Прямо так? А соседей не побеспокоим?

МИЛЮКОВ. Ничего, не стесняйтесь.

Журавлёв откашливается, принимает торжественную позу и затягивает «Есть на Волге утёс». Хозяева сначала удивлённо слушают ясный, хотя и не сильный баритон, потом Нина Васильевна садится за пианино и подыгрывает.

Когда Журавлёв заканчивает, Милюков хлопает ему.

МИЛЮКОВ. Недурно, недурно... Я чуть не прослезился.

ЖУРАВЛЁВ. Вот я и говорю: серьёзные...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Над чем же они смеются, ваши женщины?

ЖУРАВЛЁВ. Французы, сами знаете... Такой народ. Несерьёзный.

МИЛЮКОВ. Погодите, Иван Тимофеич, вы меня сбили вашим замечательным голосом... Так вы говорите, вы орловский? На хутор отрубились? В каком году?

ЖУРАВЛЁВ. Эскузе, как говорится, муа, Павел Николаевич, уж не упомяну... До войны. Года за три. А может, и больше... Отец занимался со старшим братом. Я тогда несмышлёныш был...

МИЛЮКОВ. А сколько братьев? Большая семья?

ЖУРАВЛЁВ. Три. Я самый младший. Да две девки.

МИЛЮКОВ. И вас мобилизовали, самого младшего?

ЖУРАВЛЁВ. Ну да. Средний-то покалеченным с войны вернулся... От локтя чуть ниже... осталось. Ну, отец и сговорился с этой мобилизационной комиссией, чтобы старшего работника не брали... Вот я и пошёл.

МИЛЮКОВ. Понятно... Что ж, здоровое решение.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Пошёл - и до Парижа дошёл. Из Второй Липовицы – в Париж.

МИЛЮКОВ. Вот именно! А теперь - Жан да Мари!
НИНА ВАСИЛЬЕВНА. И Натали...
МИЛЮКОВ. Поразительная история! Надо за это выпить.
НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Не увлекайся, Павел Николаевич...
МИЛЮКОВ. Ерунда... Так значит, трое братьев, две сестры... Ну, сёстры –
отрезанный ломоть для хозяйства...
ЖУРАВЛЁВ. Младшая замуж ушла в Покровское, старшая - в монашки подалась.
МИЛЮКОВ. Ишь ты, в монашки... Братья женатые, а вы - не успели?..
ЖУРАВЛЁВ. Не успел. Была там одна, но господь по-другому решил.
МИЛЮКОВ. Погодите, погодите... Отрубились, а какое хозяйство вели?
ЖУРАВЛЁВ. Да, обычное дело... Рожь сеяли, овёс..
МИЛЮКОВ. Лошади, коровы?
ЖУРАВЛЁВ. Две лошади, коровы... тоже пара. Братья - в поле, а мы с отцом на
колёсах... Колёсные пары продавали.
МИЛЮКОВ. Вот вы в кого - механик...
ЖУРАВЛЁВ. Ну да. Отец всему научил.
МИЛЮКОВ. Хорошо жили?
ЖУРАВЛЁВ. Да вроде неплохо... Я, правду сказать, подзабыл... Я ж тогда не
вникал. Девки одни в голове... А хозяйство – так, само собой.
НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Скучаете по дому-то? Здесь, на чужбине?
ЖУРАВЛЁВ. Скучал. Очень скучал... Да я бы уехал. Как-нибудь добрался бы.
Ежели б не Мари... Как пить дать, уехал бы.
МИЛЮКОВ. И ничего о них, о родных, не знаете?
ЖУРАВЛЁВ. Кой-чего знаю. В двадцать шестом году послал письмо. Через
посольство, в Париже.
МИЛЮКОВ. Что вы говорите! И ответ пришёл?
ЖУРАВЛЁВ. Пришёл. И потом еще два раза. Последний – в двадцать девятом году.
МИЛЮКОВ. И что ж у них там?.. Как дела были?
ЖУРАВЛЁВ. Хорошо. Все были живы, здоровы. Сестра из монастыря вернулась,
при них жила. Среднему брату отдельный дом поставили.
МИЛЮКОВ. Ага. Значит, выжил хутор и при советской власти...
ЖУРАВЛЁВ. Выходит, так... Но вот, с двадцать девятого - как отрезало.
МИЛЮКОВ. Писали?
ЖУРАВЛЁВ. Хотел было. Да потом передумал. Слыхал, у них там в колхозы всех
забрали... Как бы, думаю, чего не вышло. Поостерёгся.
МИЛЮКОВ. Может, и правильно...
ЖУРАВЛЁВ. Пятнадцать лет прошло. Теперь, поди, племянники воюют... Братья-то
уж стары.

МИЛЮКОВ (*поднимая бокал*). Осталось еще? Ну, за русскую победу!

Пьют. Пауза.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Что же вы, так вот пешком и пойдёте... Куда вы там
собрались? В Гренобль?

ЖУРАВЛЁВ. Так и пойду. Где пешком, где какой француз подвезёт... На поезд –
опасно.

МИЛЮКОВ. Само собой. Ажан – одно, немцы – другое. А вы, мсье Жан, всё-таки...
не в обиду будь сказано... рожей-то французской не совсем вышли.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Павел Николаевич...

ЖУРАВЛЁВ. Русского кобеля не отмоешь... ну да ничего, бог поможет. Вот к вам же он меня привел?.. (Пауза.) Ладно, как говорится, пора и честь знать... Благодарствую, хозяин... Хозяюшка... (Встаёт.)

МИЛЮКОВ. Погодите, Иван Тимофеевич... Куда ж это вы на ночь глядя? Нет, нет, это не годится. Утром пойдёте.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Но... Павел Николаевич, где мы положим?.. У нас ведь тоже...

МИЛЮКОВ. Ничего. Здесь и ляжет мсье Жан... В этой самой, прости господи, гостиной. Он человек неприхотливый. Вон там у стены, под картой Европы, вас устроит, Иван Тимофеевич?

ЖУРАВЛЁВ. Под стеной? Э, Павел Николаевич, в теплом углу не то что на юру... Конечно, устроит. Благодарствуйте.

МИЛЮКОВ. Ну, вот и хорошо. Ниночка, принеси, пожалуйста... лечь.

Нина Васильевна уходит в спальню. Журавлёв подходит к карте, разглядывает её.

МИЛЮКОВ. Липовицу свою ищите? Вон там, правее? Далеко от нас...

ЖУРАВЛЁВ. Хоть бы одним глазком посмотреть, как они там...

МИЛЮКОВ. Липовица ваша, наверное, ещё под немцами... Дай бог, к осени будет наша.

ЖУРАВЛЁВ. Тоже под немцами?.. А я об том и не думал... Ишь как боши-то размахались!..

МИЛЮКОВ. Размахались... Хотели даже на левый берег Волги переправиться... Слава богу, не дали. А теперь... Теперь за всё придётся платить. И бошам, самой собой... И нашим тоже. Сколько людей погибло... И сколько ещё погибнет...

Входит Нина Васильевна, кладёт на пол старое пальто.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Всё, что могу предложить. И этот плед...

ЖУРАВЛЁВ. Благодарствую, хозяйюшка...

Ложится, отворачивается к стене.

Нина Васильевна подходит к милюковскому креслу.

Пауза.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Сразу заснул.

МИЛЮКОВ. Ещё бы. Представь, сколько намучился человек.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Да уж. (Качает головой.) Странно...

МИЛЮКОВ. Что странно?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Всё странно. И он странный тип. И вообще... ну ты сам посуди, Павел Николаевич... Русский мужик из орловских Липовиц бежит по Франции и забредает к нам в Экс-ле-бен... Разве не удивительно?

МИЛЮКОВ. Выходит, он прав? Сам бог его к нам привёл...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ну, не знаю... Мне трудно представить, что божий промысел учитывает таких людей, как этот мсье Жан.

МИЛЮКОВ. Понимаю. Тебе легче поверить, что промысел учитывает таких, как мы с тобой.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ты мне льстишь. Спасибо. Надеюсь, что уж тебя-то они там *(показывает пальцем вверх)* принимает в свой расчёт... Пойду. Устала.

МИЛЮКОВ. Посиди со мной...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Что я слышу? Ты же всегда рад, когда тебя оставляют в покое... в окружении бумаг и воспоминаний.

МИЛЮКОВ. Но не сегодня...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. А что такого случилось сегодня? Не хочешь же ты сказать, что он?.. *(Показывает на спящего Журавлёва.)* Вижу, он тебя взволновал.

МИЛЮКОВ *(беря Нину Васильевну за руку)*. Просто посиди.

Нина Васильевна садится на стул, придвигается к креслу.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА *(пожимая руку Милюкова)*. У железного Милюкова тоже бывают сентиментальные минуты слабости...

МИЛЮКОВ. Увы, от железного Милюкова осталась только одно воспоминание...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Не одно... Нужно, чтобы остались тома воспоминаний. Где самый умный человек России передаст потомкам всю правду.

МИЛЮКОВ *(целую руку жены)*. Всю горькую правду...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Да, передаст в будущее всю правду... Несмотря на горький хлеб чужбины. *(Длинная пауза.)* Извини... *(Целует Милюкова в голову.)* Пойду, лягу... *(Уходит.)*

Милюков провожает жену взглядом, потом берёт папку с бумагами. Выбирает лист, пытается читать. Но – откладывает бумаги. Смотрит на спящего Журавлёва.

МИЛЮКОВ *(вполголоса)*. Журавлёвский хутор...

Гостиная в Эк-ле-бене исчезает.

Возникает кабинет, обставленный в стиле начала 20-го века. Это дача на Аптекарском острове в Петербурге. За столом сидит Пётр Аркадьевич Столыпин.

Входит Милюков.

Столыпин встаёт навстречу гостю, жмёт руку, приглашает в кресло у окна. Сам садится в кресло напротив.

СТОЛЫПИН. Я полагаю, вы совсем не удивлены моим приглашением, Павел Николаевич...

МИЛЮКОВ. Не слишком, Пётр Аркадьевич.

СТОЛЫПИН. В таком случае, давайте-ка поговорим откровенно... Тут мы одни, нам нечего опасаться.

МИЛЮКОВ. Пётр Аркадьевич, я давно уже исповедую такую формулу: и в разговоре, и в корреспонденции будь таков, чтобы не было стыдно, даже если всё выйдет наружу и попадёт в газеты...

СТОЛЫПИН. То есть, вы не делаете разницы между публичной и закулисной политикой?

МИЛЮКОВ. Публичная – политика, закулисная – интриганство...

СТОЛЫПИН. Боюсь, такой романтизм вам политически не вышел бы боком...

МИЛЮКОВ. Видите ли... Мы, кадеты, политики молодые, нам еще только предстоит потерять политическую невинность.

СТОЛЫПИН. Как вы знаете, настоящая, зрелая жизнь только начинается после потери невинности.

МИЛЮКОВ. Да, это так. Но невинность – необходимый этап полноценного развития. Другое дело, что из потери невинности каждый делает свои выводы...

СТОЛЫПИН. Я бы сказал, каждый видит мир по-своему... Для одних всё оказывается в трагическом свете утерянных иллюзий. Для других – в пронзительном свете реальной жизни.

МИЛЮКОВ. Хорошо сказано... для министра внутренних дел. Вы, разумеется, из второй категории?

СТОЛЫПИН. Не уверен... Впрочем, ближе ко второй, верно...

Пауза.

МИЛЮКОВ. Петр Аркадьевич, вы... на правах хозяина... Задавайте ваши вопросы, я готов на них отвечать как можно откровеннее... В политическом смысле.

СТОЛЫПИН. Хорошо... Как вы оцениваете результаты выборов в Думу?

МИЛЮКОВ. На мой взгляд, событием являются уже сами выборы, само проведение этих выборов...

СТОЛЫПИН. Вы расцениваете это событие как однозначно положительное?

МИЛЮКОВ. Разумеется! В России наконец-то появился настоящий орган народного представительства!..

СТОЛЫПИН. То есть, вы полагаете, что народное представительство – благо само по себе, вне зависимости от реальных жизненных условий?

МИЛЮКОВ. Что вы имеете в виду? Какие условия?

СТОЛЫПИН. К примеру, зрелость народных масс. Их готовность к ответственному выбору.

МИЛЮКОВ. По-вашему, Пётр Аркадьевич, народным массам не стоит доверять ответственный выбор?

СТОЛЫПИН. По-моему, ответ на этот вопрос не является безусловным. Всё может зависеть от зрелости общества, от способности не только принимать ответственные решения... помилуйте, иногда – просто понимать, о чём идёт речь!

МИЛЮКОВ. Теоретически я могу согласиться с вами. Но живая жизнь разрушает схоластику, она всё ставит на свои места. Парламентские формы зародились в Англии почти тысячу лет назад. Они развивались и развились до того, что когда король Карл захотел парламент уничтожить, дабы править самому без помех, это стоило ему головы, потому что народ поддержал как раз парламент.

СТОЛЫПИН. Однако тот же народ потом ликовал, когда при возвращении династии останки Кромвеля выкопали из могилы и вывесили у ворот Тауэра...

МИЛЮКОВ. Карлу отрубили голову, Кромвель едва сам не сделался монархом, потом над его телом надругалась чернь... Но линия на усиление народного представительства осталась прежней. Ироническая улыбка истории: через столетия после попытки уничтожения английского парламентаризма монархия перестала управлять, осталась – представительствовать...

СТОЛЫПИН. Так вы за отстранение монархии от власти?

МИЛЮКОВ. Я – за конституционную монархию на манер английской.

СТОЛЫПИН. А надо ли нам измерять русскую жизнь английским аршином?

МИЛЮКОВ. Я, Пётр Аркадьевич, историк. И не вижу в данном случае серьёзных особенностей русской жизни... Не забывайте, Новгородское вече имело прав не меньше,

чем ранний английский парламент... А наши Соборы в том же семнадцатом веке? Романовых как выбирали? На Соборе - народные представители.

СТОЛЫПИН. Вы полагаете, представителей выбирали слепым жребием?

МИЛЮКОВ. Да, разумеется, процесс был управляемый... Не было совершенства тогда, не будет совершенства сегодня, один бог знает, достигнем ли мы его завтра... Но мы должны двигаться правильным, как говорят малороссы, шляхом. Правильные формы со временем способны наполняться правильным содержанием.

Пауза.

СТОЛЫПИН. Хорошо, Павел Николаевич, я уяснил вашу позицию... Перейдемте ко второму вопросу. Как вы оцениваете расклад сил в Думе с точки зрения лидера кадетов?

МИЛЮКОВ. Должен заметить, что я не считаю себя лидером кадетской партии... У нас есть гораздо более авторитетные личности... И Муромцев, и Шипов, и князь Львов...

СТОЛЫПИН. Я вполне ценю вашу щепетильность, Павел Николаевич, но эти оговорки ни к чему... Мы же договорились – откровенно.

МИЛЮКОВ (*пожимая плечами*). Кадетская партия набрала больше голосов, чем какая-либо другая политическая сила. Мы видим в этом ясный посыл русского общества. Оно, общество, поддержало нашу программу. И мы должны действовать в соответствие с этим поручением. Это очень просто.

СТОЛЫПИН (*сдержано, резко*). И как же вы намерены действовать?

МИЛЮКОВ. У нас есть программа, составленная на основе общественных мнений. Мы намерены действовать в её духе... (*Пауза.*) Пётр Аркадьевич, у меня такое ощущение... Вы, конечно, знаете, я имею некоторый опыт общения с вашим министерством... Когда на меня были гонения... Наш разговор напоминает мне... как бы это выразиться... Нет, не допрос, конечно... Но такую беседу с подозреваемым... Прошу не обижаться, ведь мы же условились об откровенности...

СТОЛЫПИН (*вставая и прохаживаясь по кабинету*). Прошу меня извинить... Возможно, я и в самом деле... Не вышел ещё из служебной скорлупы... Знаете ли, очень много времени теряем попусту, болтаем, толчём воду в ступе... Всё время заставляю себе быть точнее, деловитее... (*Пауза.*) Итак, вы сказали, что намерены действовать в соответствие с вашей программой... Я знаком с вашей программой. Нахожу её в целом положительной для страны, хотя и не разделяю некоторых её пунктов...

МИЛЮКОВ. Каких именно, Пётр Аркадьевич?

СТОЛЫПИН. Первые мои возражения по крестьянскому вопросу... Ваши предложения о конфискации помещичьих земель не ведут к справедливому решению. Это бессмысленно и неэффективно.

МИЛЮКОВ. Однако, многие помещики сами заявляют, что готовы отдать одну половину, чтобы другая навсегда осталась в безопасности.

СТОЛЫПИН. Павел Николаевич, вы историк... Вы же сами приводили в пример постепенный рост влияния английского парламента... Как же можно в одночасье менять основы русской жизни? Сегодня помещик – главная сила нашего сельского хозяйства по продуктивности. Вы же предлагаете враз низвести его до роли рядового американского фермера.

МИЛЮКОВ. А что в этом плохого?

СТОЛЫПИН. С точки зрения исторической перспективы – ничего плохого... Как цель это принять можно и нужно. Но какими средствами к этому идти? С какой

скоростью? Это серьёзные вопросы. Их нельзя решать, как говорят великороссы, с бухты-барухты...

МИЛЮКОВ. Пётр Аркадьевич, разговоры о крестьянской реформе велись правящим сословием сто лет... Сто лет!.. Император Александр Николаевич положил жизнь на её осуществление... А дальше? Десятки миллионов мужиков должны были стать полноценными гражданами, но мы снова засыпаем на десятилетия... А потом наступает пятый год, и полыхают помещичьи усадьбы по всей стране. Мы давно опоздали, а вы говорите: ещё не время...

СТОЛЫПИН. Я не стою на том, что ещё не время для назревших перемен. Я стою за то, чтобы осуществлять их в верном направлении и с такой скоростью, чтобы не сломить шею... И – второе. Может быть, самое главное... Конфискация не решает проблему нехватки земли, потому что большая часть земли и так уже у крестьян. В общинном владении... Община – главное зло крестьянской жизни. В ней корень всех проблем. Непродуктивности, безответственности...

МИЛЮКОВ. Не стану спорить как с принципом... Но община – важный социальный институт. Сельское самоуправление. Разрушение его за один присест может привести к хаосу. И это уже касается не судеб десятков тысяч, как в случае с помещиками, а десятков миллионов...

СТОЛЫПИН. Справедливое замечание. Любая реформа должна избегать крайностей, не расшатывать социального равновесия... (*Пауза.*) Но вернёмся к вашей программе. Какими вы видите пути её достижения?

МИЛЮКОВ. Правительство народного доверия.

СТОЛЫПИН. На английский манер...

МИЛЮКОВ. Невзирая на вашу иронию, Пётр Аркадьевич, я должен подтвердить: да, можно и на английский манер... Монарх и у них, и у нас. У них палата лордов, у нас государственный совет... Коли не нравится английский манер, возьмёмте бельгийский.

СТОЛЫПИН. Но в Англии, как вы сами изволили заметить, монарх – представительствует, а у нас – правит...

МИЛЮКОВ. Это так. В этом существенное различие.

СТОЛЫПИН. Как вы полагаете, это различие на пользу России или во вред ей?

МИЛЮКОВ. Пётр Аркадьевич, батюшка нынешнего императора сказал Лорис-Меликову... в разговоре о конституции... которую Александр Второй собирался даровать российскому народу... Он сказал: российский император не будет присягать каким-то скотам...

Пауза.

СТОЛЫПИН. Вы уверены, что это верные слова?

МИЛЮКОВ. Не уверен... Но даже если это мистификация, беда в том, что она очень похожа на правду. Вынужден напомнить вам о событиях 9 января пятого года...

СТОЛЫПИН. Это была ошибка. Глупость. Недоразумение.

МИЛЮКОВ. И, возможно, намеренная провокация... Но путь даже ошибка и глупость. Но в этой ошибке, как в капле воды отражается отношение правящего класса к подданным, как к существам неразумным. Разве такое отношение к подданным, ко многим десяткам миллионов, может привести современное государство к благоденствию?..

(*Пауза. Сухо.*) Пётр Аркадьевич, я сторонник конституционной монархии.

Неограниченную монархию полагаю пережитком. Слава богу, мы прошли этот этап в развитии нашей страны. И должны двигаться дальше. Правительство народного доверия –

как раз то, что нужно теперь России. Хотя бы тех рамках, которые обозначены манифестом 17 октября.

СТОЛЫПИН. Но я вынужден вновь заметить, есть много способов двигаться даже в правильном направлении. Можно лететь сломя голову, не замечая ухабов и рытвин, а можно – расчётливо, с пониманием реальных условий и возможных опасностей.

МИЛЮКОВ. Подпишусь под каждым вашим словом.

СТОЛЫПИН. Правительство народного доверия... Вы полагаете, монарх должен вручить кадетской партии мандат на управление страной?

МИЛЮКОВ. Да, в той части, которая сейчас обозначена основными законами и сложившейся традицией...

СТОЛЫПИН. Сложившаяся традиция как раз не предполагает партийного правительства... То есть, правительства какой-то одной политической силы.

МИЛЮКОВ. Пётр Аркадьевич, уж не хотите ли вы сказать, что наши правительства последних десятилетий отражали какую-то интегральную идею?

СТОЛЫПИН (*с улыбкою*). Вы имели в виду – коалиционную идею?

МИЛЮКОВ. Не совсем... Но, в конце концов, пусть будет и так.

СТОЛЫПИН. В каком-то смысле – да, именно так... Монарх формировал свои правительства вне узкого партийного взгляда.

МИЛЮКОВ. Помилуйте, Пётр Аркадьевич, мы в России ещё не попробовали настоящей партийной политики, а вы уже опасаетесь её крайностей... И потом... Да, правительства формировались не на партийной основе. Но это не значит, что основы не было... Она была. И это основа – сословная.

СТОЛЫПИН. По-вашему, партийная основа – лучше?

МИЛЮКОВ. Ежели партии отражают народные мнения, то да.

СТОЛЫПИН. А ежели они превращаются в орудия крайних сил?

МИЛЮКОВ. Есть ли серьёзные основания для таких суждений? Или это предположение на будущее? Опасения следует принимать во внимание и не допускать крайностей. Но нельзя опасениями оправдывать отказ от реформ... Когда они не то чтобы назрели - перезрели...

СТОЛЫПИН. Значит, вас не беспокоят крайние силы? В том числе на левом фланге вашей собственной партии?

МИЛЮКОВ. Нынешний расклад политических сил в думе говорит о том, что крайние силы в обществе непопулярны. Это означает, что общество – за разумные, управляемые перемены.

СТОЛЫПИН. Хотел бы я быть таким оптимистом, как вы, Павел Николаевич... Да, Россия больна. Спору нет. Но что-то много лекарей, и каждый со своим рецептом... И как бы лечение не оказалось горше недуга.

МИЛЮКОВ. Недуг, загнанный вглубь организма, непременно снова вырвется наружу. И как бы поздно не было...

СТОЛЫПИН. Сейчас в вас говорит левый фланг вашей партии? Который всегда будет пугать нас революцией...

МИЛЮКОВ. Даже наш левый фланг вовсе не сторонник революции. Наоборот, мы делаем всё для её предотвращения. Но самое верное лекарство, пусть и горькое – это правда. История учит нас тому, что неограниченная ничем власть теряет способность отличить правду от заблуждений. И в итоге падает сама и обрушивает государство...

Пауза.

СТОЛЫПИН. Павел Николаевич, вот прозвучало это слово – коалиция... Как вы... и ваша партия... относитесь к возможности такого коалиционно собранного правительства?

МИЛЮКОВ. Это непростой вопрос. Он требует очень серьёзного рассмотрения и обсуждения.

СТОЛЫПИН. Понимаю. Но каково ваше личное мнение?

МИЛЮКОВ. Глупо будет отрицать теоретическую возможность коалиционного министерства в каких-то подходящих для этого условиях. Но... таковы ли сегодня условия? Не уверен.

СТОЛЫПИН. То есть, вы полагаете, что справитесь своими силами со всем спектром министерских направлений? И что вам не нужны опытные специалисты, уже прошедшие профессиональную школу?

МИЛЮКОВ. Если это касается второго ряда, то да, нужны...

СТОЛЫПИН (*с иронией*). Павел Николаевич, вы отдаёте себе отчёт, что в кабинете министров есть такие направления, в детали которых вам, вчерашним радикалам-оппозиционерам, будет очень нелегко входить... К примеру, направление, которое возглавляю в настоящий момент я... Напоминаю вам, что мне приходится курировать жандармский корпус и полицию, в том числе секретную... С которой и вам, простите, пришлось столкнуться...

МИЛЮКОВ. Да, и последствия этих контактов ощутимы до сих пор... Я имею в виду, что пока не могу быть членом Думы...

СТОЛЫПИН (*с усмешкой*). Ах да, я совсем упустил это из виду... Наверное, такое невозможно в английских условиях: чтобы один из лидеров партии не был членом парламента, но направлял её деятельность из-за кулис, как в театральной пьесе... Всё-таки наши условия отличаются большим своеобразием.

МИЛЮКОВ. Это ровно до тех пор, пока мы упорно сопротивляемся своевременным переменам... Уверяю вас, стоит принять здравые решения, и наше политическое своеобразие существенно поблекнет... И пьеса превратится в самую немудрящую прозу жизни. Что касается полиции... и секретных операций. Разумеется, мы хорошо осведомлены об элементарных функциях властной деятельности. Они нас не страшат. Кто-то же должен заниматься и не самыми благоухающими участками... другое дело, что и эти участки нужно ставить на здоровую основу. Законность, парламентский контроль и так далее.

Пауза.

СТОЛЫПИН. Павел Николаевич, Россия существует тысячу лет... Десятки поколений людей... Море крови... Океаны слёз... Разве уважение к нашей истории не требует хотя бы осторожности?..

МИЛЮКОВ. Вы обращаетесь к моему патриотическому чувству, Пётр Аркадьевич? В этом нет нужды. Я живу с ним всю мою сознательную жизнь.

СТОЛЫПИН. Да, я уверен в этом. И тем более меня удивляет ваше сожигание в одной партии с элементами, которым Россия не дорога, они видят в ней лишь средство для своих, каких-то чуждых нам целей...

МИЛЮКОВ. Не могу принять этого упрека. Вы снова переходите на предположения, которым я не вижу серьёзного основания. И кто это – вы?

СТОЛЫПИН. Мы – это люди, для которых Россия, - главное.

МИЛЮКОВ. Вы говорите сейчас от имени своего сословия?

СТОЛЫПИН. Я не возьму на себя такой тяжкой роли. Но мой голос – это голос тех, кто любят Россию, видят опасности, ей грозящие, и пытаются найти пути, которые помогут ей выйти на правильную дорогу.

МИЛЮКОВ. Правильная дорога... Ваше сословие – крупные землевладельцы, бюрократы, приближённые к трону... иногда в одном лице. Вы управляли страной вместе с династией все последние столетия... Каков же итог? Пятый год?

СТОЛЫПИН. Пятый год – уродливое дитя нерешенного крестьянского вопроса, скрещенного с преступным революционным нетерпением... Корень всех наших бед – неразрешённый крестьянский вопрос. Разрешив его, мы вылечим Россию.

МИЛЮКОВ. Но как вы намерены решать крестьянский вопрос и лечить Россию? У меня такое впечатление, что вы хотите это сделать так, чтобы крестьянский вопрос – да, как-то был решён, - но чтобы всё остальное в России осталось бы по-прежнему.

СТОЛЫПИН. А что же в этом плохого, Павел Николаевич?

МИЛЮКОВ. По-прежнему – это значит, загнать все болезни русского общества глубоко в его организм. А общество-то – другое... Кадетская партия – это первое доказательство изменившегося русского общества, она представляет практически все слои и сословия, вплоть до крестьянского в лице его наиболее образованных представителей...

СТОЛЫПИН. А сколько вы насчитаете членов кадетской партии?

МИЛЮКОВ. Пятьдесят тысяч... И в десять раз больше сочувствующих.

СТОЛЫПИН (*придвинувшись к собеседнику*). Нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы... У нас сто миллионов крестьян... Вы отдаёте себе отчёт, что Россия полностью зависит от их умонастроения?

МИЛЮКОВ. Да, зависит... И главная вина российской элиты в том и состоит, что доселе эти сто миллионов не включены в нормальную социальную и общественную жизнь – как субъекты, а не как безвольные и бесправные объекты...

СТОЛЫПИН. Поздно говорить о вине. Нужно действовать. Быстро, решительно, но ювелирно точно.

Пауза.

МИЛЮКОВ. Вы полагаете, Пётр Аркадьевич, что вам удастся решить эту задачу? Одному, с горсткой соратников? Без опоры на общественные силы?

СТОЛЫПИН. Если общественность будет помогать... Или хотя бы не мешать.

Пауза.

МИЛЮКОВ. Есть еще вопросы, Пётр Аркадьевич?

СТОЛЫПИН. Спасибо, Павел Николаевич. Благодарю вас.

Милюков встаёт из кресла и откланивается.

Кабинет на Аптекарьском острове исчезает, возвращается гостиная в Экс-ле-бен.

Милюков не без труда поднимается из кресла, идёт, пошаркивая ногами, к двери в спальню. Останавливается и стоит в дверях некоторое время, смотрит внутрь спальни. Затем подходит к Журавлёву. Тот, отвернувшись к стене, спит.

Милюкова поднимает голову, рассматривает карту на стене. Возвращается к креслу, садится. Проводит рукой по груди – как если бы что-то мешало ему. Закрывает глаза, откидывается в кресле.

Становятся слышны чирикание птиц, шум ветра и шуршание листьев. Женский голос тянет ласково: «Пашенька, где ты? Иди к нам! Мы тебя ждём». Не открывая глаз, Милюков протягивает руку... Звуки леса становятся громче и пронзительней. Милюков тянется вверх – а затем падает назад в кресло. Рука его безжизненно повисает.

Пауза.

Журавлёв поднимает голову. Слушает. Садится на своей постели. Смотрит на кресло и неподвижного Милюкова. Встаёт, подходит к креслу. Некоторое время стоит перед креслом, смотрит на Милюкова. Затем закрывает умершему глаза. Подходит к дверям спальни.

ЖУРАВЛЁВ (негромко). Мадам...

Тотчас в дверях спальни появляется, в ночной рубашке, - Нина Васильевна. Увидев неподвижно лежащего Милюкова, она бросается к нему...

КОНЕЦ ВТОРОГО АКТА

АКТ ТРЕТИЙ

Пустое пространство. В центре – освещенный круг, в котором Нина Васильевна и Журавлёв – возле недвижного тела Милюкова.

На авансцене - фигура, напоминающая Столыпина, в какой-то бесформенной накидке.

Появляется фигура, похожая на Милюкова, в такой же бесформенной накидке.

Фигура оглядывается, точно не понимает, где находится. Увидев освещенный круг с картиной смертного отчаяния, застывает.

«СТОЛЫПИН». Мне очень жаль.

«МИЛЮКОВ». Боже мой, значит...

«СТОЛЫПИН». Да, это так. Мои соболезнования.

Освещенный круг постепенно уменьшается и, наконец, исчезает.

«МИЛЮКОВ». Вот как это происходит...

«СТОЛЫПИН». Да.

«МИЛЮКОВ». А почему – вы?..

«СТОЛЫПИН». Разве вы не хотели со мной поговорить?

«МИЛЮКОВ». Сказать, что хотел, - это будет не совсем правдой...

«СТОЛЫПИН». Вы изъясняетесь слишком сложно. Здесь всё проще. Вы привыкните.

«МИЛЮКОВ». Это обнадеживает. Значит, есть какая-то перспектива...

«СТОЛЫПИН». От иронии тоже отвыкните. Вам понравится. Вы человек прямой... То есть, были человеком дела.

«МИЛЮКОВ». Благодарю.

«СТОЛЫПИН». Так о чём вы хотели со мной говорить?

«МИЛЮКОВ». Постойте, я не могу так сразу... Согласитесь, после того, что со мной случилось...

«СТОЛЫПИН». Как хотите... Нам спешить некуда. Как там, у Иоанна? Времени больше не будет.

«МИЛЮКОВ». А что же будет?

«СТОЛЫПИН». Вы поймёте.

«МИЛЮКОВ». Со временем? (*Молчание.*) Вы правы, мне иногда чудилось, что я беседую с вами...

«СТОЛЫПИН». Вы уверены, что вам чудилось?

«МИЛЮКОВ». Вы хотите сказать?..

«СТОЛЫПИН». Я ничего не хочу.

Молчание.

«МИЛЮКОВ». Да, у меня всю жизнь была такое ощущение, что мы не договорили...

«СТОЛЫПИН». Я не могу похвастаться тем же. По причине того, что моя жизнь оказалась гораздо короче вашей.

«МИЛЮКОВ». Да, да... Пока человек в круговороте жизни, ему некогда задуматься. А потом наступает другая пора... Появляется свободное время. И тени прошлого...

«СТОЛЫПИН». У вас стало много свободного времени после того, как большевики вышвырнули вас из России?

«МИЛЮКОВ». Пожалуй, да. Нет, разумеется, мы все по-прежнему были чем-то заняты, но...

«СТОЛЫПИН». Вы по-прежнему писали свои колонки...

«МИЛЮКОВ». Да, писал...

«СТОЛЫПИН». Давали советы, которые уже никому не были нужны.

«МИЛЮКОВ». Нам хотелось думать, что это не так...

«СТОЛЫПИН». Выражали надежды, которым уже никогда не суждено было сбыться.

«МИЛЮКОВ». Этот упрёк применим ко мне в последнюю очередь...

«СТОЛЫПИН». Ну да, вы стали вослед за Гегелем и Белинским проповедовать что все действительно разумно. И коли Сталин – это действительность, значит, нечего и стулья ломать.

«МИЛЮКОВ». В какой-то степени...

«СТОЛЫПИН». Кадеты всегда были рабами позитивизма.

«МИЛЮКОВ». Позитивизм – неплохая основа для государственного строительства.

«СТОЛЫПИН». Бескрылый, бездушный позитивизм не может быть прочной основой государства.

«МИЛЮКОВ». Мы никогда не выступали за атеистическое государство.

«СТОЛЫПИН». Официально. А на самом деле? В душе?

«МИЛЮКОВ». Это частный вопрос. Вопрос совести. И вы ведь не сторонник уваровской триады?

«СТОЛЫПИН». Невинная народная душа не может быть оставлена в одиночестве перед невыносимым холодом бытия. Душе потребно утешение.

«МИЛЮКОВ». Сказка о всеведущем и всеблагим высшем существе...

«СТОЛЫПИН». Посмотрите на несчастную душу советского гражданина. Оставшись без теплой веры в бога – душа очерствела.

«МИЛЮКОВ». Вы полагаете, что душе русского мужика до большевиков было теплее?

Молчание.

«СТОЛЫПИН». Так что вы хотели узнать?

«МИЛЮКОВ». Тогда, в девятьсот шестом году... Что пошло не так?

«СТОЛЫПИН». Не так? Не так – не по-вашему? А как должно было пойти?

«МИЛЮКОВ». Кадетское министерство...

«СТОЛЫПИН». Ну да. Вы были уверены, что рано или поздно это произойдёт.

«МИЛЮКОВ». Да. И в чём же я ошибался?

«СТОЛЫПИН». Судите сами...

Возникает ярко освещенный зал в петергофском дворце.

Император сидит за большим столом и слушает доклад дворцового коменданта генерала Трепова.

Справа на большом диване, спиной к докладчику и лицом к большому окну сидит императрица. Она осторожно, одними подушечками пальцев, держит перед собой газетный лист.

Император слушает доклад вполуха, изучая какую-то бумагу.

ТРЕПОВ. И последнее... Происшествие. Неподобающее поведение... В двенадцатом часу ночи унтер-офицер Пантелеев устроил дебош в кухонной части. Взят под стражу, получил десять суток ареста.

ИМПЕРАТОР (*подняв голову, глядя на докладчика*). В кухонной части?

ТРЕПОВ. Так точно, ваше величество.

ИМПЕРАТОР. А в чём состоял дебош?

ТРЕПОВ (*чуть оглянувшись, снизив голос*). Старшая повариха застала его с молодой... Миловались. Унтер-офицер бросился бежать, опрокинул котёл, разбил посуду, сопротивлялся охране.

ИМПЕРАТОР. Ну что же... Живые люди. Десять суток... Что-то ещё?

ТРЕПОВ. Это всё, ваше величество.

ИМПЕРАТРИЦА (*громко*). Как вы намерены поступить с поварихой, Дмитрий Фёдорович?

ТРЕПОВ (*повернувшись в сторону дивана*). Она будет рассчитана.

ИМПЕРАТРИЦА. Благодарю.

Трепов кланяется, снова обращается к императору.

Пауза.

Трепов кланяется и поворачивается – уходит.

ИМПЕРАТОР (*взглянув в сторону дивана*). Дмитрий Фёдорович, одну минуту...

Император встаёт, подходит к Трепову, берёт его под руку и уводит подальше от дивана.

ИМПЕРАТОР (*вполголоса*). Вы, в самом деле, собираетесь её рассчитать?

ТРЕПОВ (*не сразу, словно бы разочарованно*) Рассчитать?.. А, кухарка... Как прикажете...

ИМПЕРАТОР. Ну, если действительно, неподобающее... А если... Мы же не звери.

ТРЕПОВ. Я разберусь по совести.

ИМПЕРАТОР. Благодарю вас, голубчик... И ещё... Я жду Столыпина.

Распорядитесь, пожалуйста, сразу ко мне...

ТРЕПОВ. Государь...

ИМПЕРАТОР (*чуть подаваясь назад*). Я знаю, Дмитрий Фёдорович... Будьте покойны... Поверьте, я очень ценю ваши хлопоты касательно устройства кабинета министров... Но... Словом, доверьтесь мне, я приму верное решение.

Трепов вытягивается перед императором, щёлкает каблуками, откланивается, уходит. Едва закрывается дверь, императрица порывисто встаёт с дивана.

ИМПЕРАТРИЦА. Что случилось с генералом? Подумать только!.. Что он говорит? Ты только послушай, что пишет агентство Рейтер с его слов... (*Читает по газетному листу.*) Ни коалиционное министерство, ни министерство, организованное вне Думы, не дадут стране успокоения... То есть, мы должны позволить этим... Как бишь их называют?

ИМПЕРАТОР. Кадеты. Конституционные демократы.

ИМПЕРАТРИЦА. Два слова, и оба неблагонадёжные!

ИМПЕРАТОР. Есть другое название. Партия народной свободы...

ИМПЕРАТРИЦА. Народной свободы? Что за блажь... Народу нужна не свобода, а отеческая, направляющая рука... Но Трепов... Ах, генерал!.. И это твой верный слуга?

ИМПЕРАТОР. Не стоит так волноваться, друг мой... Генерал нам предан душой и телом. Он, конечно, не понимает всех сложностей государственного управления, однако искренне искал выход.

ИМПЕРАТРИЦА. Он так искренне искал выход, что нашёл его в том, чтобы поколебать основы монархии!..

ИМПЕРАТОР (*подходя к столу*). Не стоит так резко... Да, он заблуждается. Но нельзя укорять искреннего слугу в излишнем рвении...

Император берёт со стола лист бумаги, протягивает его жене.

ИМПЕРАТРИЦА. Что это?

ИМПЕРАТОР. Предлагаемый состав кабинета министров...

ИМПЕРАТРИЦА (*читает*). Муромцев, Милюков, Петрункевич, Набоков, Шипов... Герцен... Герценштейн! Подумать только! Кто эти неведомые люди?

ИМПЕРАТОР. Говорят, это цвет русской общественности.

ИМПЕРАТРИЦА. Чужие, совершенно чужие люди!.. Боже мой, верно говорит его родной брат, генерал сошёл с ума...

ИМПЕРАТОР. Если и так, то лишь потому, что хотел нам добра... (*Берёт руку жены, целует её.*)

ИМПЕРАТРИЦА. Ники, ты должен быть твёрд!.. Ты должен слушать только своё сердце и господа бога.

ИМПЕРАТОР. Ты можешь быть спокойна. Я всегда настороже. Смотри: вот все они, вокруг нас, вроде бы умные люди... цвет нации... И двор, и теперь вот Дума... Вот все они чрезвычайно умны, ловки, думают, что меня можно обвести вокруг пальца... А между тем, я со всеми говорил, со всеми советовался, всё узнал – и ничего никому не обещал.

ИМПЕРАТРИЦА. Я люблю тебя, мой император!

ИМПЕРАТОР. Так что мы свободны в своём решении.

ИМПЕРАТРИЦА. Так и должно быть. Ты – император всероссийский. Россия дана тебе богом от рождения. Как твоему отцу, твоему деду. И как нашему сыну... Ты должен передать Россию нашему мальчику в целостности и сохранности... Это твой долг.

ИМПЕРАТОР. Да, это мой долг.

ИМПЕРАТРИЦА. Итак, что ты решил?

ИМПЕРАТОР. У нас три возможности, три варианта действий. Первый. Кадетское министерство, ответственное перед Думой...

ИМПЕРАТРИЦА. Перед Думой?.. А ты? Какова в этом случае роль самодержца?

ИМПЕРАТОР *(с улыбкой)*. Они позволят мне назначить трёх министров. Военного, морского и министра двора.

ИМПЕРАТРИЦА. Они хотят лишить тебя власти, эти неведомые люди!

ИМПЕРАТОР. Да, я знаю.

ИМПЕРАТРИЦА. Мы не можем этого допустить!

ИМПЕРАТОР. Вторая возможность. Оставить всё, как есть.

ИМПЕРАТРИЦА. Но все ждут каких-то действий...

ИМПЕРАТОР. И третья. Горемыкина в отставку, на его место... Кого на его место?

ИМПЕРАТРИЦА. Столыпин! Он будет твоей опорой!

ИМПЕРАТОР. Когда-то... совсем недавно... ты называла опорой генерала Трепова.

ИМПЕРАТРИЦА. Прости меня, Ники, я ошиблась... Хвала господу, у нас есть ты!..

ИМПЕРАТОР. Итак, Столыпин...

ИМПЕРАТРИЦА. Единственное, чего я боюсь... Не станет ли он сильно гнуть свою линию?

ИМПЕРАТОР. Станет. Это второй Витте. А может, ещё покруче. Но у нас нет другого выхода. Нам нужен тот, кто сможет уничтожить смуту. А когда он обеспечит нам спокойствие, тогда... *(Сдержанно улыбается.)*

ИМПЕРАТРИЦА. Мой император!.. Ты наш единственный защитник!

ИМПЕРАТОР. Мы. Ты и я.

ИМПЕРАТРИЦА. А дума? Что делать с нею? Что они там себе позволяют? Я читала записи, которые подготовил Столыпин... Ведь это же какие-то разбойники!

ИМПЕРАТОР. Доверься мне, мой друг... Да, они вырвали у меня этот манифест... Витте, Трепов, Фредерикс и другие... Под угрозой революции... Но если они думают, что я готов отдать Россию на растерзание, они ошибаются...

Входит Столыпин.

Император кивает императрице. Она направляется к выходу. Подойдя к Столыпину, императрица останавливается и протягивает руку. Столыпин склоняет голову, целует протянутую руку. Императрица бросает взгляд на мужа и уходит.

ИМПЕРАТОР. Проходите, Пётр Аркадьевич...

Столыпин делает несколько шагов.

СТОЛЫПИН. Ваше императорское величество... Во исполнение вашего распоряжения мною составлена записка с анализом возможных вариантов разрешения нынешних событий. Соблаговолите прочесть.

Протягивает папку. Император открывает папку, читает.

ИМПЕРАТОР. А дума?

СТОЛЫПИН. Подпункт два третьего варианта...

Император перекладывает лист бумаги.

ИМПЕРАТОР. Таким образом, роспуск думы самим кабинетом большинства уже неосуществим...

СТОЛЫПИН. Увы, Шипов отказался...

ИМПЕРАТОР. Жаль. Это был самый лучший вариант... Этот Шипов оказался мне подходящим человеком. У него был шанс подняться высоко... Он его упустил. Вот следствие узкого партийного взгляда... *(Перекладывает лист.)* Хорошо... Таким образом, у нас остаётся один выход. Новый кабинет и роспуск думы.

СТОЛЫПИН. Именно так, ваше величество. С этой думой, как говорят в народе, каши не сварить.

ИМПЕРАТОР. Другая будет лучше?

СТОЛЫПИН. Государь, власть имеет в своем арсенале инструменты... Они позволят выстроить выборный процесс так, чтобы будущая дума стала органом, который работает на благо державы, а не во вред ей.

ИМПЕРАТОР. Вы имеете в виду, Пётр Аркадьевич, изменение выборного закона?

СТОЛЫПИН. Совершенно верно.

ИМПЕРАТОР. Хорошо... Роспуск думы может вызвать нежелательные эксцессы? Дмитрий Фёдорович... генерал Трепов предрекает самое худшее, вплоть до бунта.

СТОЛЫПИН. Мне кажется, генерал преувеличивает последствия этого необходимого шага. В любом случае, министерство, которое я возглавляю, примет все меры, чтобы предотвратить эксцессы, а в случае необходимости усмирить бунт.

ИМПЕРАТОР. Вы полагаете, Пётр Аркадьевич, эти люди способны пойти на такой шаг? Шипов, Львов, Муромцев... это всё добропорядочные люди.

СТОЛЫПИН. Левый фланг кадетов способен на крайние шаги.

ИМПЕРАТОР. А Милюков? Он был студентом у Ключевского... Василий Осипович отзывается о нем в превосходных степенях.

СТОЛЫПИН. Милюков образованный, энергичный человек, фактический лидер кадетов. Для него образец для подражания – европейское политическое устройство. В частности – английское.

ИМПЕРАТОР. Что ж, это похвально. Это гораздо лучше, нежели искать образцы в социалистических теориях... Однако же, отдавая должное Великобритании, мы должны оставаться на своём, исконном русском пути. Конституционная монархия моего кузена – это возможный ориентир для нас... но в далёком будущем. Как вы полагаете?

СТОЛЫПИН. Я полагаю, государь, организацию русской жизни нужно улучшать, реформировать. Но для успеха реформ управление Россией должно находиться в твердых, отеческих руках. В твердых отеческих руках православного самодержца.

ИМПЕРАТОР. Благодарю вас, Пётр Аркадьевич... *(Пауза.)* Это правда, что вы в саратовской губернии лично выезжали на усмирение?

СТОЛЫПИН. Так точно, государь. Однако усмирение далеко не значит – обязательное подавление. Иногда достаточно твёрдого государственного слова, сказанного вовремя.

ИМПЕРАТОР. Это вы очень хорошо сказали... Твёрдое слово, сказанное вовремя...
(Пауза.) Итак, новый кабинет министров. Но не просто новый... Сильный. Не так ли?

СТОЛЫПИН. Это будет благом для страны, государь.

ИМПЕРАТОР. Сильный кабинет – это значит, во главе – сильный премьер... Вы можете указать на кандидата?

СТОЛЫПИН. Нет, ваше величество. Я никогда не рискну давать советы монарху.

ИМПЕРАТОР. А если монарх просит об этом? Даже настаивает...

СТОЛЫПИН. Увольте, государь. Министр не может давать рекомендаций о главе кабинета. Это противу всех правил, законов и приличий. Простите.

ИМПЕРАТОР. Ну, хорошо... (Пауза.) Что вы скажите, если я попрошу вас принять на себя обязанности председателя кабинета министров?

СТОЛЫПИН. Я откажусь, ваше величество.

ИМПЕРАТОР. Отчего же, Пётр Аркадьевич?

СТОЛЫПИН. Я не готов.

ИМПЕРАТОР. Не готовы? Что это значит? Вы не находите в себе достаточно сил, чтобы руководить кабинетом министров?

СТОЛЫПИН. Нет, ваше величество. Сил мне достанет.

ИМПЕРАТОР. Чего ж еще? Россию вы узнали довольно. От самого последнего крестьянина до... (Поднимает глаза на собеседника.) До русского царя... Чего же вам больше?

СТОЛЫПИН. Я прошёл этот путь слишком быстро. Я пришёл со стороны. Я чужой в высшем кругу. Сумею ли я сплотить кабинет? Смогу ли быть первым среди равных? Будет ли у меня поддержка? У меня есть сомнения.

ИМПЕРАТОР. Это хорошо, что у вас есть сомнения. Я боюсь доктринёров, которые имеют готовый ответ на любой вопрос. Что касается поддержки... Вам довольно поддержки императора? Императорской семьи?..

СТОЛЫПИН. Ваше величество... Это великая честь для меня. Однако...

ИМПЕРАТОР. Я думаю, вы уже готовы. Позвольте судить царю... Вы готовы. А если дух ваш не довольно твёрд, я готов подкрепить его... Подойдите, Пётр Аркадьевич.

Император берёт с бюро икону. Столыпин подходит. Пауза. Они смотрят друг другу в глаза. Столыпин опускается на одно колено.

ИМПЕРАТОР (обозначая иконой крестное знамение). Благословляю вас... Именем господа бога, вручившего мне нашу землю... благословляю вас на труд во имя России...

Столыпин целует икону.

Зал петергофского дворца гаснет.

На сцене – снова «Столыпин» и «Милюков».

«МИЛЮКОВ». Да, вы твёрдо гнули свою линию... Свою личную линию.

«СТОЛЫПИН». Я полагал, что эта линия совпадает с интересами России.

«МИЛЮКОВ». Вы и сейчас так считаете?

«СТОЛЫПИН» (не сразу). Человек действует в соответствие со своими инстинктами, представлениями... Он не властен над своей натурой. В ней достижения и ошибки перемешаны в той пропорции, о которой он сам не ведает...

«МИЛЮКОВ». Огромная страна зависит от пропорций в человеческой натуре?..

«СТОЛЫПИН». Разве только в России?

«МИЛЮКОВ». В развитых странах опасная пропорция одних лиц нейтрализуется пропорциями других.

«СТОЛЫПИН». То есть, государство не зависит от человеческих случайностей?

«МИЛЮКОВ». Власть распределена по целому общественному слою, что гарантирует от опасных крайностей сектантского типа.

«СТОЛЫПИН». Вы полагаете царскую фамилию сектой?

«МИЛЮКОВ». В некотором роде... Ну и еще... Те самые... толпою у трона.

«СТОЛЫПИН». Жадною толпою?

«МИЛЮКОВ». Не стану обобщать. Думаю, ни к вам, ни к генералу Трепову это никак не относится.

Молчание.

«СТОЛЫПИН». В сущности, наш с вами спор шёл только о темпах реформ...

«МИЛЮКОВ». Не могу согласиться. Не только... и не столько темпы, сколько методы, способы.

«СТОЛЫПИН». Вы хотите сказать, что ваши методы политической борьбы были чище?

«МИЛЮКОВ». Увы... да. Мы честно исполняли волю избирателя. Как понимали её... Мы не применяли обман, подкуп политических противников, клевету в газетах, разжигание низменных страстей и ещё массу приёмов, которые есть у действующей власти – когда у неё свободный доступ к казне...

«СТОЛЫПИН». Вы так и не избавились до конца от политического романтизма... несмотря на ваш большой и во многом печальный опыт. Да, вы не могли использовать инструменты действующей власти... но это не говорит о том, что вы не прибегли бы к ним, если бы получили власть в свои руки... Вы рисуете портрет власти чёрными красками, а что мы можете возразить по существу – вот этому?..

Загорается зал Таврического дворца. Столыпин - трибуне Государственной думы.

СТОЛЫПИН. Переходя к предложениям разных партий, я, прежде всего, должен остановиться на предложении партии левых... Признание национализации земли поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. (*Громкий шум, негодующие возгласы.*)

Проект партии народной свободы не обнимает задачу в таком большом объеме и задается увеличением пространства крестьянского землевладения. Да, в настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 тысяч существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава? (*Шум, топот ног.*)

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы

должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройство, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!

*Шум, негодующие возгласы, топот ног.
Зал Таврического дворца исчезает.*

«МИЛЮКОВ». Это была хорошая речь. Во всяком случае, вы начали во здравие...

«СТОЛЫПИН». Хотите сказать, что закончил – за упокой?

«МИЛЮКОВ». Но вы же знаете, что это неправда... Вернее, не вся правда. Потому что огромное большинство в этом думском зале вовсе не желали для России никаких потрясений.

«СТОЛЫПИН». Да, это не вся правда.

«МИЛЮКОВ». Но вам выгодно было представить всю думу, как политический институт, крайним, вредным для государства и монархии...

«СТОЛЫПИН». Политическая борьба имеет свои законы. Мне казалось, что вы, благонамеренные кадеты, не должны служить тараном для левых в ваших рядах и для социалистов.

«МИЛЮКОВА». И некоторое преувеличение не повредит?

«СТОЛЫПИН». Да. Но... Разве не кадеты, члены партии народной свободы – постоянно намекали, что в их воле двинуть воды Ахеронта?..

«МИЛЮКОВ». Это была всего лишь символика, фигура речи...

«СТОЛЫПИН». Вы полагали, что вам удастся управлять своим левым флангом, левыми социалистическими партиями... Удалось?

«МИЛЮКОВ». Нет. Но ведь и вы помогли левым... Вы изменили выборный закон, в результате уменьшилась доля центристов, левый фланг остался на месте, зато добавились черносотенцы... Использование погромщиков в политической борьбе – это морально?

«СТОЛЫПИН». Нет... Но чем левые лучше черной сотни?

«МИЛЮКОВ». Сомнительный аргумент. Обе эти силы плохи. И левые, и правые вышли из народных масс, но дали им политическую роль – вы, правительство. Вы полагали, что сможете ими управлять?

«СТОЛЫПИН». Да.

«МИЛЮКОВ». Вместо Думы, которая отражала народные чаянья, вы своими руками выпестовали её карикатуру... Вы искусственно прервали естественное развитие народного самосознания. Вы не верили в народное самосознание, не так ли?

«СТОЛЫПИН». Как можно верить в то, что находится в зачаточном состоянии? Вот вы, кадеты, выставляли себя как силу конструктивную – за стабильность, за предсказуемость, за реформаторский процесс... А как вы объясните это?

Снова загорается зал Таврического дворца. На трибуне Государственной думы - Миллюков.

МИЛЮКОВ. Мы потеряли веру в то, что эта власть может привести нас к победе...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Верно!

МИЛЮКОВ. Во французской прессе был опубликован германский документ, в котором преподавались правила, как дезорганизовать неприятельскую страну, как создать в ней брожение и беспорядки. Господа, если бы наше правительство хотело намеренно поставить перед собой эту задачу, то ничего лучшего они не могли сделать, как поступать так, как поступало русское правительство...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. К сожалению, это так.

МИЛЮКОВ. Еще 13 июня нынешнего, шестнадцатого года с этой кафедры я предупреждал, что «ядовитое семя подозрения уже дает обильные плоды», что «из края в край земли русской расползаются темные слухи о предательстве и измене». Увы, господа, это предупреждение, как все другие, не было принято во внимание. В результате, в заявлении 28-ми председателей губернских управ вы имеете следующие указания: «мучительное, страшное подозрение, зловещие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел».

Господа, я не хотел бы идти навстречу излишней, быть может, болезненной подозрительности, с которой реагирует на все происходящее взволнованное чувство русского патриота. Но как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами? *(Аплодисменты.)*

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Верно!

МИЛЮКОВ. Говорят, что один член совета министров, услышав, что на этот раз Государственная Дума собирается говорить об измене, взволнованно вскрикнул: «Я, быть может, дурак, но я не изменник». *(Смех.)*

Когда вы целый год ждете выступления Румынии, а в решительную минуту у вас не оказывается ни войск, ни возможности быстро подвозить их по единственной узкоколейной дороге, и вы еще раз упускаете благоприятный момент нанести решительный удар на Балканах, - как вы назовете это: глупостью или изменой?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Одно и то же.

МИЛЮКОВ. Когда Дума напоминает, что надо организовать тыл для успешной борьбы, а власть продолжает твердить, что организовать, - значит организовать революцию, и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию - что это, глупость или измена?

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Измена! Глупость! *(Смех.)*

МИЛЮКОВ. Мало того. Когда на почве общего недовольства и раздражения власть намеренно занимается вызыванием народных вспышек - потому что участие департамента полиции в последних волнениях на заводах доказано, - так вот, когда намеренно вызываются волнения и беспорядки путем провокации и при том знают, что это может служить мотивом для прекращения войны, - это делается сознательно или бессознательно?

Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством. И все частные причины сводятся к одной: неспособность и злонамеренность данного состава правительства.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Правильно!

МИЛЮКОВ. Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрышу войны.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Верно!

*Шум. Аплодисменты, Топот ног.
Зал Таврического дворца гаснет.*

«СТОЛЫПИН». Вам и теперь нравится ваша речь?

«МИЛЮКОВ». Неверная постановка вопроса. Кому понравится, когда врач объявляет тяжёлый диагноз?..

«СТОЛЫПИН». Идёт война. А политический лидер публично намекает на предательство в правительстве и, возможно, в семье правящего монарха... Такой шаг способствует успокоению, сплочению нации?

«МИЛЮКОВ». Возможно, это было слишком резко. Возможно, это было ошибкой. Но эта ошибка действия, она была вызвана гнетущими слухами, которые ходили в обществе. Об этом нельзя было молчать. Гнойник должно было вскрыть.

«СТОЛЫПИН». Всё дело в руках... Любящие руки сделают сложную операцию бережно, равнодушные – так, что умертвят того, кто мог ещё выжить... Вы пользовались любой возможностью для уменьшения роли власти, монархии...

«МИЛЮКОВ». Уменьшения – да. Уничтожения – нет, нет и нет. Я был последним и, возможно, единственным, кто в феврале семнадцатого года выступал за сохранение монархии. На коленях я умолял великого князя Михаила не отречься. Я понимал, что эта последняя скрепа, которая может уберечь страну от хаоса и распада.

«СТОЛЫПИН». Именно ваша политическая общественность настояла на отречении. Император сдался, когда понял, что все против него.

«МИЛЮКОВ». Капитан не должен был покидать корабля...

«СТОЛЫПИН». Капитан устал. Он хотел семейного покоя. Его можно понять.

«МИЛЮКОВ». Он забыл о том, что вся Россия – его семья. Десятилетиями монархия противилась уменьшению своей власти, даже когда социальный пожар уже занимался... Когда же катастрофа разразилась, живой символ самоустранился.

Молчание.

«СТОЛЫПИН». И вот общественность добилась своего. Монархия пала. В феврале было ликование. В октябре пришло прозрение. Окончательное отрезвление наступило в Париже.

«МИЛЮКОВ». Что такое общественность? Что это за адрес? То же самое, что обвинять некий «царизм». Вы, к примеру, отнесёте себя к «царизму»? Вы, сановная часть России, которая тесно сплелась с монархией? Разумеется, это риторический вопрос. Так и общественность... Когда разразилась катастрофа, общественность развалилась на куски, по всему набору, от большевиков до крайних монархистов...

«СТОЛЫПИН». На кого можно было положиться? На безвольного и в одно время упрямого монарха, которым управляла его жена? На престарелых сановников из Госсовета, которые давно прошли свой зенит? На темную массу крестьян и обывателей, которые не понимали ещё своих истинных потребностей, но зато готовы были разрушать? Кто оставался? Общественность? Которая жаждала власти, но ничего не умела, даже если желала добра... Оставалось одно: найти дельных людей, опереться на них и пусть медленно, но верно лечить страну, вправлять вывихи, заживлять раны...

«МИЛЮКОВ». Гордыня. Вы не верили никому. Вы верили только себе. Хотели сделать всё своими руками. И для этого вы готовы были пустить в ход интригу, коварство, готовы были манипулировать царём, политиками, партиями, менять выборное законодательство в угоду текущему моменту, не брезговать услугами черносотенцев... Цель оправдывает средства!

«СТОЛЫПИН». У меня не было довольно времени. Но у вас оно было.

«МИЛЮКОВ». Увы, это оказалось иллюзией. Мы опоздали. Верхушка, ваша каста, не хотела ничего менять, а страна была уже другая... Я увидел нашу Россию, её истинное лицо, когда три года мотался по ней из края в край от Москвы и Петербурга, от Кубани до Киева, пытался примирить непримиримое, соединить уже распавшееся... Всё было напрасно!.. Ахеронт вышел из своих берегов и затопил страну. Мы опоздали лет на пятьдесят... И никакие усилия отдельных лиц, отдельных групп не могли уже ничего изменить. Разве что тогда, в шестом году, был шанс... Когда мы все сошлись на одном, общем перепутье... Но не услышали друг друга, не смогли договориться. И разошлись в разные стороны...

«СТОЛЫПИН». Что осталось? «Столыпинский» вагон?

«МИЛЮКОВ». Не только. Ещё – журавлёвский хутор.

Пауза.

Появляется некто, похожий на Журавлёва, в такой же бесформенной накидке.

«ЖУРАВЛЁВ». Вот оно, значит, как... Ну что же, пожил, грех жаловаться... Как вы тут, мсье?

«МИЛЮКОВ». Вы привыкните.

«ЖУРАВЛЁВ». Это да, человек со всем обвыкается. А уж я-то... У-у, много чего ещё повидать выпало... Ну, как вы, значит... отдали душу господину нашему Иисусу Христу... я еще побыл с вашей супругой, до похорон. То да сё... знаете, женщине трудно, хоть там и французы подсобили... На похоронах снова видел ажана. И ничего, он меня не тронул, хороший человек... Ну, а как схоронили, я и пошёл дальше.

«МИЛЮКОВ». В Гренобль?

«ЖУРАВЛЁВ». По правде сказать, мсье, пробирался я не в Гренобль, а в Лион. И жили мы вовсе не в Дижоне, а в Безансоне... Уж не знаю, почему я соврал. Должно быть, по привычке. Мало ли чего... В общем, добрался до Лиона, нашёл кузена моей Мари. Он мне помог. Потом я в маки ушёл. Вспомнил, как в гражданскую... Дак ведь, и дело-то нехитрое. Что винтовка, что автомат, что пистолет... Главное - не трусь.

«СТОЛЫПИН». Неужто совсем не страшно?

«ЖУРАВЛЁВ». Как не страшно? Ещё как! Да только страшно, когда думать про это днём и ночью. А ежели занят, да кругом товарищи, - кто пошутит, кто поспорит, тут страху до тебя не добраться. А потом что? В бою не повезло – раз, пуля стукнула, и конец. А коли выжил – значит, живём до следующего раза.

А как союзники пришли, как фронт через Безансон перекатился – я сразу домой.

Прихожу в наш домик, а там – никого. Пустой домик. Нет моих девочек. Соседи говорят, боши угнали в Германию, на какой-то завод.

Ну что делать, надо жить. Живу. Каждый день спать ложусь, и тоскливо мне, хоть плачь, хоть волком вой...

А весной уже, в апреле, вернулись те, кого боши вместе с моими девочками угоняли.

Они мне и рассказали, что девочки мои были живы перед самым освобождением, а дальше ничего не известно.

Ну, я подождал. Может, думаю, вернутся. Жду. Неделя, вторая, месяц. Нет никаких сил терпеть. Собрался и пошёл.

«МИЛЮКОВ». Куда же ты пошёл, несчастный мой Журавлёв?

«ЖУРАВЛЁВ». А через Страсбург прямо на Франкфурт. Там, в Гессене, завод этот... А что, за две недели добрался. Где пешим делом, а где на машине. Война, известно, машины туда-сюда снуют, надо только уметь договориться.

«СТОЛЫПИН» (*тихо*). Русский вечный жид...

«ЖУРАВЛЁВ». Да нет, сударь, я из крестьян, Орловская губерния...

«МИЛЮКОВ». Покровский уезд...

«ЖУРАВЛЁВ». Вторая Липовица...

«МИЛЮКОВ». Журавлёвский хутор.

«ЖУРАВЛЁВ». Полверсты, сразу на холм, а потом низинка. Одни неудобья...

«СТОЛЫПИН». Что дальше? Нашли своих женщин?

«ЖУРАВЛЁВ». Никак нет, сударь, не нашёл. Завод закрыли, американский офицер велел мне возвращаться домой: дескать, смотри, а то попадёшь в какую историю... Как в воду глядел.

Ну, делать нечего, пошёл я обратно в Безансон. А назад-то идти, судари мои, не то что вперёд. Хоть и домой, а ноги не несут...

И вот иду я как-то перед самым Франфурктом, плетусь, и нагоняет меня машина. Я возьми-то руку и подыми. Устал. Остановились, взяли меня в кузов. Слушаю, батюшки мои: по-русски говорят! Ну, я, понятное дело, не вытерпел: так и так, говорю: братцы, я тоже, значит, из России. Смеются солдатики: повезло, дескать, сейчас тебя оформят, и домой. А я им – так, мол, и так: дом-то у меня теперь в Безансоне. Они смеются: эк тебя занесло-то, на самый французский край света...

А как подъехали к Франфуркту, я – сходить. Прощайте, говорю, братцы, передавайте привет моей Липовице... И тут из-за солдат высовывается офицер и говорит: погоди-ка, Журавлёв, разговор есть... Ага, капитан. Погоны ну точь в точь как у нас в Добровольческой армии... Я уже ногу занёс, через борт, а он меня за руку берёт и говорит: погоди... А на посту томми стоят, англичане, смотрят на нас, спокойно так смотрят – а чего им беспокоиться-то, чай не война... И вот он тянет меня за руку, капитан-то, а на меня словно оторопь напала. Мне бы прыгнуть вниз, да к томми ближе, а я стою в кузове и смотрю на капитана...

В общем, увезли они меня в какой-то дом, а там капитан с другими офицерами давай меня допрашивать. Кто таков, зачем по Германии шастаю. Ну, я им всё как на духу. А они, вижу, не верят. Что-то ищут, а что – не пойму.

И – не пускают. Я уж и так, и эдак. Не пускают.

А потом – повезли. На восток. Сначала в Лейпциг. Там снова меня допрашивали, и снова всё без толку. Посадили в поезд, повезли через Польшу. Опять с солдатами еду, но под присмотром. Поручик сидит, лейтенант по-советски, молчит сам и не велит с мужиками разговаривать.

Так и Варшаву проехали, потом Смоленск, а потом я уже смекнул, что меня в Москву везут.

Приехали на вокзал, там машина. Едем по Москве, а я смотрю в оба глаза. Интересно. Город немалый, Безансону не чета. Как Париж, а то и поболее.

Привезли меня в какой-то большой дом, перед ним ещё на площади памятник Дзержинскому... Это мне потом объяснили, на пересылке, что Дзержинский, большевик такой, что Лубянка и НКВД, а тогда я только углядел мужика в шинели...

Ну, опять меня допрашивать взялись. А я что: то же самое, как попка, повторяю. Гляжу, они уже сердятся. Грозят мне и расстрелом, и тюрьмой, и лагерем на двадцать пять лет. Как-то раз пришёл генерал, здоровый такой, посмотрел на меня, послушал, потом ворот кителя расстегнул и как даст мне по морде, так сразу два зуба и вышиб. А что толку? Хоть все зубы мне долой, а всё одно ничего нового не скажу.

Генерал меня так отмордовал, я даже сознания лишился. А как очнулся, слышу, один другому говорит: что с ним теперь делать? Засылать его – так сразу в Сюрте явится. Какой дурак его сюда вёз через три страны?

В общем, дали мне восемь лет за измену Родине. И поехал я снова на восток. В столыпинском вагоне...

«МИЛЮКОВ». Столыпинском? Откуда было известно?

«ЖУРАВЛЁВ». Все так говорили... Вот. И Урал видал, и Обь, и Енисей, на Байкал одним глазком взглянул через щелочку. А вот на Амур так и не удалось, слышал только, как охрана переговаривалась...

В Ванинском порту загрузили нас в корабельный трюм, и вспомнил, как мы из Крыма эвакуировались двадцать пять годков тому назад... Почти то же самое, но кормили хуже и нужника порядочного не соорудили.

Так я попал на Колыму, на золотой рудник. Через полтора года я совсем дошёл до ручки, провалялся в окружной больнице два месяца, но после мне повезло. Починил главврачу его приборы, и он меня на магаданский завод механиком устроил. Так и выжил.

А потом и срок вышел. Полтора года ещё меня продержали на заводе, а потом поехал я по России обратно, с востока на запад.

Куда мне было ехать?

«МИЛЮКОВ». В Липовицу...

«ЖУРАВЛЁВ». Приехал я в мою Липовицу. Иду по деревне, а там всё по-прежнему – словно не уезжал. Только что свет провели да коровник общий построили. На месте нашего хутора...

«СТОЛЫПИН». Журавлёвского?

«ЖУРАВЛЁВ». Так точно... Коровник-то построили, а коровёнки в нём - тощие... Я заведующего на ферме спрашиваю: чего ж у тебя скотина-то недокормленная, а он только матерится... В общем, стал я жить при этом самом коровнике. Председатель колхоза взял меня сторожем. Раз, говорит, ты свой, журавлёвский, живи, что же с тобой делать... А на третий день прибежала женщина. Увидела меня, стоит и плачет... Оказалась, племянница...

«МИЛЮКОВ». А что же стало с братьями? В двадцать восьмом были ещё живы-здоровы...

«ЖУРАВЛЁВ». Были... В тридцатом году попал наш хутор под раскулачивание. Сначала взялись за отца и старшего брата. Они в одном доме жили... Объявили их кулаками. Дом разобрали, из брёвен в Липовице контору сделали... Брата с семьёй увезли в район, а потом – в ссылку. Куда – никто не знает. Осталась одна девчонка, самая младшая. Её братнина жена своей сестре отдала, когда увозили...

Среднего брата тоже хотели раскулачить. Он жил в другом доме, его уже без меня поставили. Поменьше, но – хороший. До сих пор стоит. Теперь при коровнике. Склад. Председатель мне и разрешил в нём – жить... Так что, помер я почти что в родном доме...

Среднего брата тоже хотели кулачить, но его кто-то упредил. Ночью посадил он всю семью на телегу и увёз. Бросил дом и хозяйство... Куда они уехали – никто не знает. С

тех пор никто о них ничего не слышал. Как и про старшего со своим семейством. Сгнули без следа.

А может, и не сгнули. Может, кто и выжил. И прячется теперь – страна большая, уж я посмотрелся...

Так вот, на третий день пришла женщина, причитает, плачет, обнимает. Племянница. Одни, значит, мы с ней остались от журавлёвского корня. Повела она меня на кладбище, наше, липовецкое. На могилку деда с бабкой. Для неё – дед с бабкой, а для меня, значит, мать с отцом. Они после кулачения остались жить в погребке. Два года ещё протянули, а потом, один за другой, - померли...

Посидели мы с сестрой у могилки, выпили, всё чин чинарём. Хорошее место, на холму, возле бывшей церкви. Оттуда вся округа видна. Я туда часто приходил – посидеть, рассказать отцу с матерью, - как я жил и что видел...

Ну, а как обжился, то, понятное дело, стал по своим девочкам тосковать, - по Мари, значит, и по Натали. Лягу спать – и разговариваю с ними. Теперь-то, в своём доме, воля вольная, никто не слышит. В лагере меня, бывало, мужики ругали, что я по ночам заговариваюсь...

В общем, прожил я в Липовице три месяца и написал письмо в Безансон. Племянница меня отговаривала, а я всё равно написал. Чего мне было бояться? Написал на конверте адрес: Франция, Безансон, улица, дом – и бросил конверт в почтовый ящик.

Проходит неделя, зовёт председатель и давай меня ругать. Мол, подвёл я его. Поругал, а потом рукой махнул: чего с меня взять?

Через три месяца вызывают меня в Орёл, в комитет безопасности.

Ну, не впервой мне – приехал. Бояться – не боялся. Арестовывать – так в Липовице бы и взяли. А так – приехал с повесткой.

Провели в кабинет. Капитан на меня посмотрел, открыл какую-то папку, достаёт бумагу и мне даёт.

Я гляжу – а это почерк Мари. Письмо... Ну, кое-как прочитал. Французский-то я забывать стал... Главное – понял, живы они, здоровы. И ещё понял – что карточка должна быть, фотография.

Спрашиваю капитана. Он вздохнул, показывает карточку.

Я гляжу: а Натали-то моя – взрослая барышня. Ну, точь в точь – Мари, когда я её в Париже встретил...

Сижу, смотрю, насмотреться не могу. А капитан мне говорит: всё, свободен. А письмо с карточкой – забрал и в папку положил.

Со мной прямо плохо сделалось. Давай я капитана просить – чтоб хоть карточку позволил взять. А тот: не могу, всё в твоём деле. Вещдоки. Уходи, мол, добром.

А я сижу, и так на душе моей горько, что словами не могу описать.

И тут капитан мне говорит: ладно, приходи в шесть часов, посмотрим...

Проболтался я по городу до вечера, прихожу. Капитан меня встречает и даёт карточку. И говорит: копию для тебя сделали, начальство разрешило. Ты, говорит, у нас тут знаменитость со своим французским письмом...

В общем, возвратился я в Липовицу с карточкой, племяннице показал, на могилку к родителям ходил – похвастаться... С тех пор так и жил - счастливый. Да что мне ещё и нужно-то было: только и знать, что девочки мои живы и здоровы...

Полтора года ещё протянул.

А потом схоронила меня племянница. Рядом с отцом-матерью. Там, на кладбище нашем, на липовецком. Там, с могилки моей, вся округа наша видна как на ладони: и земли русской – во все стороны - видимо, невидимо...

Молчание.

«МИЛЮКОВ». И что теперь?

«ЖУРАВЛЁВ». Никто не знает.

«СТОЛЫПИН». Никто. Всё в их руках.

«МИЛЮКОВ». В чьих?

«СТОЛЫПИН» (*показывая в зал*). В руках живых.

На сцене появляются новые фигуры в бесформенных накидках. Они заполняют всё пространство сцены, молчат и смотрят в зал.

КОНЕЦ